

ТВОРЧЕСКИЕ РАБОТЫ ПОБЕДИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО
КОНКУРСА НАЧИНАЮЩИХ ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ «ПРОБА ПЕРА»

Даутова Айсылу Фаритовна

Мәтрүшкәләр

Әсәй менән мәтрүшкәләр йыйзык,
Бар донъяны алды хуш есе.
Йырлай-йырлай йыйған шул мәтрүшкә –
Йәмле йәйзең сағыу бер төсө.

Көлә-көлә йүгерә бала сағым,
Ә кулында - алһыу мәтрүшкә,
Шуға күрә, ахыры, йыйғанда ла,
Мәтрүшкәләр гүйә көлөшә.

Узып бара, әйе, бала сағым,
Уңып бара йәйзең сағыуы.
Мөгжизә бит, әсәй кулындағы,
Мәтрүшкәнең көләс калыуы.

Шағир бит ул...

Шағир бит ул, гүйә, янған усақ.
Утын итеп фекер өстәгез,
Дөрләп китһен, әгәр, тиһәгез.
Шағир бит ул, гүйә, янған усақ.

Шағир бит ул инрәп ятқан дингез.
Күңел ярзарына килегез,
Ни тойғанын килһә белгегез.
Шағир бит ул инрәп ятқан дингез.

Шағир бит ул кайнап торған сүллек.
Яраһына кағ(ы)ла күрмәгез,
Килмәй икән, әгәр, көйгөгөз.
Шағир бит ул кайнап торған сүллек.

Шағир бит ул шаулы-даулы урман.
Бер керһәгез, ипле йөрөгөз,
Азашып та куя күрмәгез.
Шағир бит ул шаулы-даулы урман.

Шағир булыр төрлә киәфәттә.
Бөгөнгөнөн беләм тиһәгез,
Кәләменә күззәр төбәгез...

Ахмадиева Гулуза

"Тәүге һөйөү"

Вәғәзәләр... Ниңә улар?
Һөйгәнәнде былай беләм.
Кайнай миңә башта уйзар,
Төшөп китә кулдан кәләм.
Ниңә яздың миңә шиғыр?
"Һөйәм" - тинсең миңә ниңә?
Йылға булып күңел ағыр,
Әйе, гел ынтылып һиңә!

"Хыял"

Үз юлымды якшы беләм -
Укытыусы буламын.
Ошо юлды якшы күрәм,
Юк! Урында торамын.
Кузғалып китә алмайым
Хыялдан ысын юлға.

Шикләнеп уға карайым,
Китә алмайса алға.

Шигъыр

Йоклатмай ул төндә,
Ял итергә бирмәй,
Күз йомғанды көтә,
Шунан уттай өтә.
Ошондай кылыктыры,
Нык асыландырыуы
Күңелгә тейеп бөттө,
Түземем минең бөттө.
Тик уға нимә инде,
Барыбер тырнай йөнде.
Кысалалай бер кыса,
Тынлыкты урлап каса.
Күңелде мең кат кисер,
Йөрәкте үтә тишер.
Уны белә һәр шағир,
Ул бит талапсан шигъыр.

Гилемханова Луиза

Йәшә илем

Көз килде бит, көз килде,
Бөтә уңыш йыйылды.
Кишер һуған алынды,
Картуф базға халынды.
Өлгөрзә тамыразыктар,
Кырзарағы икмәктәр.
Уңыш мулдан булды тип,
Һөйөнөргә кәрәктер!
Ә урман һуң, урманы,
Ул булды иң күркәме.
Кояштың шат нурзары
Төрлө төскә бизәне.
Тыныс күклә илебеззә
Һәрбер кеше бәхетле.
Олоһо ла, кесеһе лә
Көзһылыуға рәхмәтле.
Тыуған яғым тәбиғәте,
Һәр мизгелен бит якын
Кышкы карлы бурандарың,
Которган язгы ташкын.
Йәшә илем, данлы ерем,
Гәрәбәләй баллы илем!
Салауатка алмаш үсә
Һине һаҡлар, яҡлар ерем!

Султанов Мурат

Басығыз әйзә тизерәк
Безең байрак астына.
Юлдар безең итектәрзең
Гөрһөлдәүен һағына.

Без атлайбыз Ай артынан,
Тик юлыбыз куласа.
Кемдер яуыз үлеменән,
Кемдер язмыштан каса.

Юлыбыззы быуып ята
Таш каялар, йылғалар.
Ә сит сардарзар сафтарзы
Урау юлға боралар.

Алтын көсөп баш булгандар
Хөкөм кыла сафтарза.
Кара уйлы ак батшалар
Ултыра ак аттарза.

Атлағыз – юл азағында
Көтө һалкын кәберзәр.
Беззе шунда байрағыбыз
Менән бергә күмерзәр...

Байрак буһа батыр рухы,
Хак иман буһа калқан,
Заяға таммаҫ был ергә
Азатлык өсөн ал кан!

Уразбахтина (Мухамадиева) Алия Асхатовна

Сәскә ғүмере кыска ...

(Айһылыу Булатованың якты иҫтәлегенә)

Киттең әрнеүзәргә һалып,
кайтмаҫ өсөн кабат.
Осор мәлдә генә һынды
сак нығынған канат.
Сәскәләй ғүмер өзөлдө
йәмле йәйзәрзә.
Тал-сыбыктай һының калды
кара гүрзәрзә.
Сәскә таждары күмәк тә,
ғүмер бер генә .
Ашмаҫ хыялдары калды
булып сер генә.
Мәңге әрнетер йөрәкте
моңло йырзарың.
Юкһынырзар һинең эззе
йөрөгән юлдарың.
Йән әрнеүен баһалманы
йәме йәйзәрзән.
Өзөлдө моң. Йырланмайса
калды йырзарың.
Иҫкә алам көн дә һине,
бәгер өтөлә:
Йәшнәп йәшәр сақта ғүмер
һиңә өзөлә ?...

Атай-әсәй иҫән сақта

“Атай-әсәй иҫән сақта
Рәхәтләһнеп аша балам”.
Әсәйемдең шул һүззәрен
Кабат-кабат иҫкә алам.
Бешеп сыккас, һонор иһе
Калья-калья тәмле иһен.
Һузыр иһе әсәй кулы
Бешергәс тә тәүге белен.
“Без үлгәстен бөтөр кәзер,
һис тә әйтмәҫ “табын әзер”
Вақытында кәзерен бел,
Иҫкә алып һөйләрһең гел”.
Дөрөҫ һизгән әсәй күһеле,
Һиземләгән күһел күзе.
Гел иҫемдә шул һүззәре,
Булаһалар за үззәре.
Иһде бөгөн үзем әсәй,
Әзерләһәм һый-һиғмәт, сәй
Әсәй һүзен кабатлайым,

Балаларға һамаклайым;
“Атай-әсәй иҫән сакта
Көс һәм кеүәт бар сағында,
Рәхәтләһнеп аша, балам,
Аша, балам, аша, балам.”

Ауыл урамында

Көзгөләй юл. Тотош асфальт.
Китеп барам урам буйлап.
Ә уйзарым нисәнсе кат
Бала сакка кайта урап.
Ул сактарза урамдарза
Саң – тузандар калкыр ине.
Язлы – көзлө итектә лә
Үтмәс сактар булыр ине.
Ак кыштарза һәр бер йорттан
Күтәрелә зәңгәр төтөн.
Кайын утын сыртлап яна –
Биләп ала ауыл күген.
Һәр бер йортта тормош кайнай,
Казандарза аштар кайнай,
Иртә таңдан һауынсылар
Эшкә китә йырлай – йырлай.
Урам буйлап китеп барам
Заманаға калып хайран;
Буп – буш калған ярты ауыл,
Әллә, имен, үткән дауыл?..
Етемһерәй изге нигез,
Булмағандай бармак тигез,
Һәр нигеззең үз тарихы,
Аяныслы үз язмышы.
Карағура басып киткән
Нигеззәрен әгәр күрһә,
Ни әйтерзәр ине икән
Хәстәр менән баккан күззәр?
Урам буйлап китеп барам,
Буш йорттарын һанап барам,
Тыуған ауыл урамында
Азашканмын һымак тоям.

Әй, йәшлегем...

Әй, йәшлегем, йүләрлегем,
Белмәйһең ни көтәһен.
Язмышымдың кайһы яктан
Нисек итеп өтәһен.
Йәшлегем – йүләрлегем, тип,
Йырзар йырлауы еңел.
Йырза йырланса ғына,
Йәшәүзәр мөмкин түгел
Мөхәббәттә яңылышыузар,
Аймылышкан язмыштар.
“Язмыш “– тибез зә күнәбез,
Ни генә күрмәй баштар?
Яңылыш киткән һуқтактарзан
Әй, барабыз үкенең?
Үзгәрттер әмәлдәр генә юк,
Ни кылаһың үкенең?
Йәнәшәнән йөрөй гелән
Рәһйеш, алғыш һәм карғыш.
Балаларым үсеп килә,
Мәрхәмәтле бул, язмыш...

Амирова Алия Рамазановна

Тормош дауам итэ

Яз нулышын тойоп Ер уяна
Кар нууына йууып йөззәрен.
Йылгалар за ярға һыймай аға,
Иретергә теләп боззарын.
Ерем менән бергә мин уянам
Наз, йылылык тойоп күңелдә.
Тәбиғәттең бер балаһы булып,
Тыуғанмын бит гәзиз был Ергә.
Өр-яңынан йәшел балас түшәп,
Сәскәләргә күмер яззарым.
Иген менән тулышырзар әле
Косак етмәс ялан-кырзарым.
Яззы котлап, коштар кайтып етер
Әй, моңдары, таңһык күңелгә.
Йә, Хозайым, ошо хозурлыкты
Бөгәбезгә язһын күрергә.
Һәр беребез имен тормош менән
Йәшәйексе изге донъяла.
Яззар килеп торһон, йәм өстәлһен,
Тормош дауам итһен, иншаллаһ.

Бәхет

Бәхетлемен, мин әсәмден
Иң һөйөклә кызымын.
Атайымдың көтөп алған
Гүмерлек бер йырымын.
Бәхетлемен, иптәшемә
Назлы, тоғро кәләшмен,
Йорт - курала - хужабикә,
Тормошонда серзәшмен.
Бәхетлемен, балаларға
Хәстәрлекле әсәмен,
Минең назым менән улар
Тоя донъяның тәмен.
Бәхетлемен, дуҫ-иштәргә
Кәңәшсе әхирәтмен,
Шатлыкта ла, хәсрәттә лә
Мин уларға кәрәкмен.
Һөйөнөп тә, һөйөлөп тә
Йәшәйем был донъяла,
Ер шарында бер нур булып
Балкыр өсөн тыуғанға.

Уельданова Нариса Мртмировна

Әй, гүмерзең илаһи бер мәле!..
Әй, гүмерзең илаһи бер мәле!..
Тотоп алып килә туктаткым,
Бойокһоған күңел хистәремде,
Илаһилык, үзең уяттың.
Хуш еҫ бөрккән назлы сәскәләрге
Ысык тамсыһының үбәүе,
Йәмле яzza тәүге тамсыларын
Ләйсән ямғыр ергә һибәүе.
Татлы һөйөү хистәрем емеше-
Бауыр итем- балам тыууы,
Офоктарзы кызыл нурға мансып,
Көн тыузырып кояш калкыуы.
Һокланыузан туймаһын күңелем,
Ожмах төслә ерзә күпме йәм,
Күреп тойор өсөн шул мәлдәрзе
Ташламаһын бер үк мине гәм...

27.03.14.

Яз

Яз килде лә ап- ак шәлен
Бер ябынды ,бер һалды.
Бозло ерзә абынды ла,
Күззән тамсы-йәш тамды.

Яз бит шундай серле үзе,
Асылмаған бер йомак,
Уйламағанда ярһый за,
Йылмайып куя тыйнак.

Үпкәләп, озақ турһайып
Торған булды назланып,
Холко үсмер кыззыкылай,
Көлөп куя кыланып.

Моңға һыуһаған Язһылыу
Сақырзы сыйырсығын.
Көндө бозоп ,коштар кыуып,
Килде кош болғансығы.

Тағы шәлен бөркәнде лә
Үпкәсел караш атты,
Йәнәһе лә ,был көйһөзлөк
Тамам уны ялкытты.

Сәскәләрзең хуш есенә
Илергеһе килде яз,
Шул сак карзы тишеп калкты
Назлыкай –умырзая.

Ни теләһә бар тирә-як
Үтәне яз әмерен,
Көтөп зар –интизар булды
Йылға бозо иререн.

Коштар йыр һуззы һағынғас
Тыуып-үскән ерзәрен,
Моңдан хисләнде Язһылыу,
Түгелде күз йәштәре...

Йылы ғына күз йәштәре
Һәр бер йәнде терелтте,
Йәшел балаҫ йәйелде лә
Кояшы нурын һипте.

Сәскә атқан болон кеүек
Купшыланды Язһылыу,
Әйтерһең, Йәй-егеткәйе
Килер зә сығыр һымак.

Кылыс тотоп бер кулына,
Ут сәсрәтеп килде Йәй,
Йәшен йәшнәй, аты кешнәй,
Үәт, исмаһам ,егет ,әй!..

Йәй килеүгә туй күлдәген
Кейә һалды Язһылыу,
Хуш еҫ бөркөп уға муйыл
Япты фата-яу(ы)лык.

Бар тирә-як нурға сумды,
Йәй Язым тип йән атты,
Ике йөрәк бер-берәһен

Йәмле айза табышты.

Туй гөрләне бөгә ерзә,
Һайраны һандуғастар.
Ошо мәлдә кешеләр зә
Гөрләште һабантуйза.

Һыу башларға силәктәрен
Элде ул көйәнтөгә,
Йәйзең сәскәһенән күсте
Силәктәргә бизәге.

Яз-кәләштең шифа һыуы
Ләйсән булып һибелде,
Ә көйәнтә иң-иң түргә
Йәйғор булып әленде...
05.04.14.

Мөгжизәле нур ебе

Айлы төндә сығып күккә бактым,
Серле йондоззарға күз аттым,
Йыһан серзәренә ,көзрәтенә,
Ис-акылым китеп, шак каттым...
Нурлы бер, илаһи, серле епте
Эй ,Хозайым , бүләк иттеме?..
Илаһи ла күктең мөгжизәһе
Күңел түрзәремә үттеме?..
Шул нурзан яралған нескә епте
Кулдарыма алып сираттым,
Йомарлаған ап-ап йомғағымды
Бизәк һала-һала тағаттым.
Бизәктәрзән койған нағышымды
Кешеләргә илтәп еткерзем,
Хозай көзрәтенән ебәрелгән,
Нурлы ептән тыуған хистәрем.
Әлдә Хозай шәлкем-шәлкем нурын
Бирә ептәй нескә күңелгә,
Шул мондарзан тыуа шиғырзарым,
Бизәктәргә генә төрөнгән...
...Саф хистәрзән генә үрелгән...
12.04.14.

Нигматуллина Альфира Варисовна

Илаһи таң.

Әтәс- сәғәт уятты ла
Сақырзы: “Тышка сык,”- тип,
-Хозайың йокоһоззарға
Бәхет өләшкән сақ,- тип.

Сығып бағтым да тупһама
Атларға торам кыймай.
Колак тонорлок тынлыктан
Хистәр әсемә һыймай.

Серле һиллектә изерәй
Бал ғына йүкә-урман.
Күтәрелә Дим өстөнән
Күбекләнгән һөт- томан.

Бөгә офокто кызартып
Таң-кыз әшен башлаған.
Алһыу ебәк яулыккайын
Ер өстөнә ташлаған.

Һәр үлөнгә, һәр япракка
Эленгән ысык – алка.
Алтын башлы түбәтәйен
Күрһәтеп кояш калка.

Моңға күмә бер һандугас
Димкәйемдең талдарын.
Тибрәтә ул йөрәгемдең
Үтә нескә кылдарын.

Күктең зәңгәр көмбәзендә
Кояш һакимлыҡ итә.
Көзрәтле алһыу нурзаны
Ергә лә килеп етә.

Уның йылы карашынан
Бар тәбиғәт уяна.
Һәммә терлек телгә килеп
Иркәләнә, назлана.

Алыста гүмеркәйемде
Күрәзәсе кәкүк һанай.
Туктай күрмә, яңлышмайса,
Кысқыр әле бер талай.

Озата барайым таңды
Офоктарға еткәнсе.
Ыңйы-мәрийен ярыклары
Ер битенән кипкәнсе.

Әкиәттәй гүзәл мәлдә
Һис килмәй ебәрәһем.
Тыуған яктың ал таңдарын
Килә кабат күрәһем.
Илһамланып, тын курзырғыс
Бәхеткә койонаһым! 2017 август
Гүмеркәйзәр калай тиз үтә.
Эй, был гүмер бигерәк тиз үтә:
Таң аттымы тағы кис етә.
Яз - йәйзәргә туйып өлгөрмәйһең,
Кар- буранлы һалкын кыш етә.
Әллә инде гүмер сәғәтенен
Сылбырзаны тамам өзөлгән,
Әллә ер шарымы тиз әйләнә
Ысқынып та китеп күсәрзән.
Кайғы килһә туктай вақыттар,
Буталалар төштәр, өндәр зә.
Минуттары һузыла тәүлеккә,
Ауырыһаң кара төндәрзә.
Гүмеркәйзән кәзерен белмәйсә
Юкка барға исраф итәбез,
Асылдарын уның аңлайбыз за
Тик һаман да низер көтәбез,
Мөгжизәләр өмөт итәбез.
Ожмах кеүек фани донъяларзан
Һис тә килмәй әле китәһе.
Эшләнмәгән эштәр байтак әле
Тегеләй зә былай итәһе.
Гүмеркәйзәр калай тиз үтә,
Көтмәгәндә һаҡлы ял етә...
Таң аттымы, тизерәк кис етә.
Эй, был гүмер ифрат тиз үтә.

Өстәлдең күрке - коймак.

Байрамыбыз түрзәренә
Сакырабыз кунактар.
Ә уларзың килеүенә
Бешерәбез коймактар.

Коймак менән табын йыйыу-
Электән килгән йола.
Бергәләшеп ашағанда
Ул бигерәк тәмле була.

Күз халайык әле әйзә
Быуындар хандығына.
Тәмле-тәмле есән менән
Танһыкты кандыр ғына.

.Килен төшһә әгәр йортка
Коймак тотоп ингәндәр.
Йомро коймактай тормошо
Камил булһын тигәндәр.

Бала тыуһа бәпес котлап
Коймак йөрөгән алдан,
Сабый гүмерен юрағандар
Торһон тейеп май- балдан.

Йыш кына кыззың өйөнә
Кейәү йомошо төшә.
Ул сакта ла өстәл йәмләп,
Кейәү коймағы бешә.

“Күрше хақы – тәнре хақы”
Тейеп юкка әйтелмәй.
Күрше хәлен белгәндә лә
Коймакһыз инге килмәй.

Каз өмәһе үтәме ни
Коймак коймайса ғына?
Кызған таба майзарында
Уңған коймак биткәйзәрен
Манһып алмайса ғына.

Таба менән коймак есен
Әруахтар көтә хатта.
Изге көрьән аштарын бит
Доғалар күркәм итә.

Көтөлмәгән кунактыла
Каршылаусы ул коймак.
Сәй кайнаған арала ла
Һалып алаһың коймак.

Ак куйыртма уңа бары
Әйтһәң изге теләктәр.
Булһа әгәр күңелендә
Бисмиллалы ниәттәр.

Өләсәймдең һүззәре
Әле булһа колакта:
“Тәмле була каймак менән
Бик уңмаған коймакта.”

Әйтергә кәрәк шуны ла:
Боронғолар мейесендә
Бешкән коймак тәмлерәк,
Әйләндереп тормаһаң да

Йөззәре икенсерәк.

Коймактың була төрлөһө
Өсөһө һәм сөсөһө.
Күпергәне мамык кеүек
Хатта селтәр төслөһө.

Селтәрле йока коймакка
Низәр генә төрөлмәй?!
Туклыклы был аш төрөнә
Кем калһын һуң үрелмәй?!

Мәжлес үткән һәр табында
Ул түрзән урын ала.
Коймакһыз өстәлдә низер
Етмәгән кеүек кала.

Әйзә коймак өстәлдәрзе
Һәр сак шулай йәмләһен.
Йортобозға бәлә- хәсрәт,
Киҫәк кайғы килмәһен.

Коймак, коймак,
Коймағыңды майлап ал,
Коймағыңды майлап ал да
Теләгәнендә һайлап ал.

Каипкулов Акрам Хабибович

ЕР - КАНАТЛЫ ТОЛПАРЫМ

Аңламайым мин тормошто,
Әллә донъя минем?
Икенсе бер сит есемдән
Ошо ергә килдемме?
Ер зә, Ай за, Кояш та -
Бөтә ғаләм түңәрәк.
Ябай ғына түңәрәккә
Мин дә булғанмын кәрәк.
Тунам да дөрлөп янам,
Ярһып тузып та куям.
Уфтанмайым, был донъяға
Кәрәклегемде тоям.
Ләззәт алам йәй әсенән,
Кышын ыжғыр бурандан.
Төшөнмәйем, сере низә?
Нур сағыла тузандан.
Мин үземдә яралғанмын,
Бер балсыклы тузандан.
Ер канатлы күк толпарым,
Мин ғаләмдә узаман.
5.10.05.

2. МИН ЮЛСЫ

Ғаләм сере - бикле һандык,
Уның әсендә нимә?
Йыһанда йөзөп барамын,
Искерә йыл да кәмә.
Йондозарзы күзәтәмен,
Кош юлы - көмөш басма.
Йөрәк серен сисеп була,
Йыһандың һыймай башка.
Мөгжизә ул - Кош юлы,
Сикһез ғаләмдә дуға.
Мине үзенә сакыра,
Тимәк, кәрәкмен уға.

Кош юлы - йыһан толomo,
Йондоззар - алтын сулпы.
Йылдам ғына юртып барам,
Мәңгелектә мин - юлсы.
5.10.05.

3. ЙӨРӘГЕМДӘН УЗА

Шатлык, кайғы - игезәктәр-туғандар,
Кеше менән бергә ерзә тыуғандар.
“Кайғырмайһың һис тә!” - тизәр кайһылар,
Йәшәгәстең була шатлык - кайғылар.
Йөрөһәм дә кайһы вақыт болокһоп,
Уйламайым мин кешегә бозокһок.
Бармы икән тағы минең ишеләр?
Йөрәгемдән уза бөтә кешеләр...
5.10.05.

Данилова Яна Владиславовна

«Чердак»

Я живу в твоём доме. А знаешь, где?
В месте тихом и скромном, упрятанном пылью.
Там, где был ты лишь в детстве, прячась от мира.
Я живу на твоём чердаке.

Помнишь звон полуночный, словно билось стекло в темноте?
Это я над тобою гремлю хрусталем,
Предвещая тот час, когда вместе уснём.
Я живу на твоём чердаке.

Кто принёс букет ландышей, прямо к двери, пока ты забывался во сне?
Кто стучал в твои окна, покрытые снегом,
И чей шёпот скользил по стене?
Я живу на твоём чердаке.

Улыбаешься солнцу, сияя в тепле.
И в овалах зеркальных лишь твой силуэт,
Но не важно, гроза или солнечный свет,
Я всегда. На твоём. Чердаке.

«Призрачные шаги»

Драгоценные камни. Блестящий топаз.
Рассыпается жемчуг, как слезы из глаз.
Воссияет закат голубой над тобой.
Ты уйдёшь, не махнув на прощание рукой.

Мне останется тень растворившихся дней,
Шёпот призрачный, взгляды, и скрипы дверей.
И в бесчисленных снах снова залита светом
Твоя комната. Ты в ней в объятиях рассвета.

Эйфорией пронизаны мысли о прошлом.
Встречи глаз не забыть. То, как был осторожен
Ты в любом проявлении мыслей и чувств.
Извинения чуткие краше искусств.

Бессердечность прощается. Твой сложный нрав
Вспоминается в свежести солнечных трав.
И все время ступаешь за мной по воде,
Освещая всю жизнь преподобно звезде.

На палубе

Одинокая лодка и весла.
Куда же грести, уплывая от горести?
Куда же буду я послан?
Ведь только начало всей повести...

Так страшны здесь грозы,
Но мучителен штиль,
Ошибки пройденных миль -
Жизни беспечной метаморфозы.

Стальной якорь и я,
Держу, что есть мочи,
Чтоб новые ночи
Встречали меня.

Полагаюсь на небо,
Опираясь на звезды.
Влечение к свету так слепо:
Вряд ли, спасут при норд-осте.

Могучие ветры и парус,
Ищу, что есть силы
Мнимый я статус,
Достигая неведомый градус.

На палубе жизни
Стою, омываемый морем,
Они так ненавистны,
Те капли с собственным горем.

Моя лодка и мины,
Плыву, как умею,
Постигая глубины,
Плыву! Я взрослею!

Творчество

На карте огромной планеты
Оставляю свой призрачный след,
Узнаешь ты эти приметы
Сквозь тысячи звездных комет .

На чистой бумаге останется почерк,
Вычеркну строки - получится очерк,
Сплетаются буквы в скупые слова,
Понимание смысла должно быть сперва.

Пишу, чтоб не дергало,
Выплесну горечь в остатки пера,
Пишу, может, и скомкано...
Вытрясу прошлое на позавчера.

Вывернул душу - стихи мои ожили,
В них много меня,
Хочу, чтобы разум встревожили,
В них много огня!

Я выстрелю словом
Сжигая дотла,
я стану свинцовым,
Спасая тела!

Мне все- таки нравится,

В стихах я живой,
Надеюсь, мне все-таки справиться,
Любою ценой!

Анисимов Павел

Вы жизнь моя, я вам хотел признаться!
Так сладко знать, что где-то рядом Вы.
Я горд, что есть возможность любоваться,
И просто так раздаривать цветы.
Пусть славится Ваш образ, всех прекрасней,
Ах, этот взгляд, меня с ума сводящий!
И рядом с Вами, я на все согласен,
Согласен жить грядущим, настоящим.
Готов упасть тотчас на землю рьяно,
Готов всю жизнь писать стихи о Вас...
И каждый раз вести себя упрямо,
Под гнётом миллионов глаз.

Вы жизнь и боль моя, готов признаться честно,
Пред Вами, словно таю на глазах.
Я столько лет себе не знаю места
И, кажется, витаю в облаках.
Я замираю с Вами каждую минуту,
Когда наш взор соприкасается едва.
Бледнею я и снова неизменно,
Смотрю в глаза, что воплощение божества.
Как никнут лютики, и я могу поникнуть.
Уж если, будто сон, любовь пройдет,
Я, может быть, тогда смогу привыкнуть...
Но нет, душа покоя точно не найдёт!

Вы счастье и печаль мои! Однако,
Минуя слухи, не боюсь наивным быть.
Я никогда Вас не заставлю плакать.
И буду тщетно, к сожалению, любить...

Границы круга

Шли годы. Я, не видя Вас, сгорал.
Вёл с той поры отсчёт недуга.
Я тосковал и так скучал,
Не мог разбить границы круга...
Я каждый день смотрел в глаза
Прохожих, тех, что ценят небо.
Я вспоминал любви места,
Мечтал попасть туда, где не был,
Туда, куда могли бы с Вами
Сбежать, закрыться от проблем.
Но Вы ушли, оставив раны,
Оставив грустных мыслей плен.

Я сожалею, не вернуть обратно
Тех дней любовных волшебство...
Но Вас мне вспоминать приятно,
Я огорчён, что всё ушло.
Ушла забота друг о друге,
Поэзия в сиянии луны...
Я до сих пор в закрытом круге
И вижу Вас, сквозь эти сны.

Я после расставаний с Вами
Не смог прогнать печаль свою.
Я говорил, шептал устами,
Как сильно же я Вас люблю.

Ваш образ, как мираж в пустыне,
Тихонько устремлялся вдаль...
Он скрылся... и теперь отныне
Душа тревожится, как жаль,
Как жаль, ведь нам судьба сулила,
Пройти весь путь от «А» до «Я».
Но жизнь пророчество убила:
Один-один. У нас, ничья!

Я Вас прошу, письмо прочтите,
Ведь я его адресовал.
Весенним вечерком взгляните,
На грешных мыслей карнавал.
Итог всему, что грустным стало,
Когда мой дом вдруг опустел.
Я опечален и немало,
Вас потерять я не хотел...
И вот мы в милях друг от друга,
У нас две повести свои.
Я все же выбежал из круга,
Навстречу ветру и любви...

Боровский Илья

Время любило нас

Позднее осеннее солнце светило по-сумасшедшему,
напоказ,
Словно в последний раз
било в глаза,
Ослепляло водителей и озаряло пыльные окна.
Ты шла в своей леопардовой шубке,
Накрасив на скорую руку губки,
Плавню скользя, мне летела навстречу.
Это было давно, но как будто вот только сейчас
Время сияло в нас.

И кружил снегопад..., нет, свежевыглаженной простыней
Расстирался над влажной землёй,
Несся, как поезд, уверенно, быстро.
Он робел,
Ты же бабочкой в чёрном пальто
Ароматом цветов
Мой наполнила вечер.
Я смотрел
И не мог оторвать тогда глаз..
Время сгорало в нас..

А потом был июнь, и творилось неладное что-то в моей
голове,
Я рассудок терял в сон-траве,
Моросило на сердце беззвучно, и глаза-светлячки
не мелькали в толпе.
Ты бежала по трапу в бордовом плаще,
Я остался ничей
Вообще.
Мне садились пушинки на плечи,
В поцелуях дождей
Наш маяк незаметно погас.
Мы недолгое время любили,
Но любило ли время нас....

Размышления российского туриста в Лувре

Венера Милосская-
Совсем как берёзка,
Без внешнего лоска,

Но так хороша!

Красотка безрукая,
В обнимку с разлуками,
А круглыми сутками
Сияет душа!
Пленяет не древностью,
Великою ценностью,
Борьбе с повседневностью
Стала верна.

Музейным служителям,
Взволнованным зрителям,
И даже хулителям,
Очень ценна.
В страстях безучастная,
Натура прекрасная!
С судьбой не согласная
В корне она...

Живёт не бедняжкой,
С душой нараспашку,
И сеет мурашки,
Во все времена!

Банников Александр Владимирович

Патриот

Как много дней, унылых и угрюмых,
Прошло с тех пор в кромешной темноте,
И сотни тысяч дум я передумал,
И вот соскучился, опять иду к тебе.
Дорога вьется длинною веревкой,
И для кого-то к счастью путь открыт.
А сердце бьется ядерной головкой,
Зажатой в угол в суматошный быт.
Где солнце прячется за тонкой пеленою
И где чирикают кузнечики в росе.
Моя деревня, ты всегда со мною,
Ты по ночам, как прежде, снишься мне.
В краю далеком, в городских глубинах,
Где солнце светит будто из-за туч,
Я вспоминал тебя, мой дом родимый,
Там в сердце двери заперты на ключ.
Я был в плену дорог не понаслышке,
Страну объездил вдоль и поперек,
Но вспоминал, где был еще мальчишкой,
Родной поселок среди лесных дорог.
И вот нашел обратную дорогу,
Мне на плечо упал осенний лист.
Иду домой, вернулся, слава Богу,
И в сердце влился соловьиный свист.
Проснулся утром, снова все в порядке,
На кухне мама наливает чай.
И теплый ветер ласково и сладко
Мне душу треплет будто невзначай.
Легко живется на родной сторонке,
Где все знакомо – и поля, и лес.
Глядишь, сосед с ведром идет к колонке,
Душа от радости взлетает до небес.
И где бы ни был я, и где бы ни скитался,
Где б ни блудил по стремным городам,
В душе я русским мужиком остался
И за деревню жизнь свою отдам.
Калитка скрипнула, я снова уезжаю,

Холодный ветер навевает грусть.
Не беспокойся, сторона родная,
Я уйду, но знаю, что вернусь.
Уходит в ночь наполненный автобус,
На сердце вновь не потушить огня.
Объездил я, наверное, весь глобус,
Но не забыл, что дома ждут меня.
Когда вернусь, все будет, как обычно,
Мне мама вновь нальет горячий чай.
Ну а пока автобус лихо мчится,
Меня уносит в сумрачную даль.
Душа поет, и это все понятно,
Когда увидишь свой родимый дом.
И, мне поверь, до одури приятно
Остаться просто русским мужиком.
А время вдаль бежит неумолимо,
Душа воскреснет и уйдет печаль.
Я – словно странник, проходящий мимо.
Ну, здравствуй, мама, ставь скорее чай.
Иду один, со щек стирая слезы.
Весенний лес укутался листвою.
Меня встречают белые березы.
Я – блудный сын, вернувшийся домой.

Километры судьбы

Километры судьбы под колёса ложатся.
На спидометре стрелка за сто пятьдесят.
Лишь осенние листья по ветру кружатся,
И, конечно же, им на тебя наплевать.
Что подкинет судьба за крутым поворотом
И каких можно ждать от природы вестей...
На дороге судьбы – не обрыв, так болото,
Или просто подрежет какой-то злодей.
Ты один, как всегда, на тернистой дороге,
И твой путь в никуда продлевает маршрут.
На душе лишь тоска, пустота и тревоги,
Но и те незаметно куда-то уйдут.
Поздний вечер к стеклу прижимается тихо,
Только капли дождя обмывают капот.
И несётся авто беззаботно и лихо
По дорогам судьбы, несмотря ни на что.
Шоферская судьба предначертана сверху.
Ты в сцепление с дорогой почти с малых лет.
Пролетают года, но судьбы километры
Измеряют лишь скорость и фар дальний свет.

Осень

Ну вот и всё, уж осень наступила,
Течёт сквозь пальцы время, как вода.
Закапал дождь и в венах кровь застыла.
Мы расстанемся – раз и навсегда.
Душа всплакнёт оборванной струною,
Померкнет солнце, превращаясь в ночь.
Холодный дождь и ветер в поле воет...
Никто из них не сможет мне помочь.
Мне всё равно, ушла и не вернётся,
Держать обиду глупо и смешно.
Лишь только осень надо мной смеётся,
А в небесах давно всё решено.
Никто не скажет, что со мною будет,
Никто не знает, что там впереди,
Лишь только сердце моё лёд остудит
На смену осени предшествующей зимы.
И вот зима закружит белым снегом,
Твои следы укроет подо льдом.

И мир любви, который был и не был,
Мне лишь покажется
Пустым кошмарным сном.

Новиков Анатолий Алексеевич

Я падаю, падаю, падаю в бездну...
И сердце на части, и больно, и сладко.
Быть может, навеки бесследно исчезну,
А может, останусь великой загадкой.

Врываясь с разбега в холодное утро,
На миг озаряя – вам брошу с порога:
«Друзья, извините, я к вам на минуту,
Меня ожидает дорога, дорога».

Когда же устану стремиться к рассвету,
И сердце остынет, и мысли угаснут –
Душа моя вспыхнет, как будто ракета,
Чтоб медленно, медленно, медленно гаснуть.

Поле. Белая дорога.
Воет ветер за порогом.
Я хочу спросить у Бога:
«Тот ли путь?»
Может, жизнь не так ужасна,
На судьбу ропщу напрасно,
Не всегда бывает праздник –
Вот в чем суть.
Душу мучает усталость.
Может, просто показалось,
Что не капли не осталось
Больше сил.
Все вернется понемногу,
Ты найдешь ко мне дорогу,
И поймешь еще с порога,
Что простил.

Осень прошла по дороге
С краскою желтой и кистью.
Робко ей падают в ноги
Вмиг постаревшие листья.
Фея в леса заглянула
Охровой, светлой печали.
Птиц у оврага пугнула.
Те ей «Прощай!» - прокричали.
Дремлет в свинцовой тревоге
Вечер, предчувствуя стужу.
Гостя бредет одиноко,
Шлепая гулко по лужам.

Кортункова (Баранова) Любовь

Моя двуликая Россия
Моя двуликая Россия
Мне то постыла, то мила.
Ты то, как скрипки плач, тосклива,
То, как гармошка, весела.

Ни в чем себе не знала меры
Твоя поруганная власть:
Жила полвека ты без веры,

Теперь молиться принялась.

На месте тюрем и колоний
Блестят макушки куполов,
Но в православном перезвоне
Я слышу стон колоколов.

А твой народ с благословенья
Надеждой призрачной живет.
В своем фатальном невезенье
И в радость пьет, и с горя пьет.

Мораль твоя необъяснима:
То глуповата, то мудра.
Ты, то скупа невыносимо,
То неоправданно щедра.

Поешь в цепях, грустишь на воле,
То проклиная, то любя.
И в этих крайностях до боли,
Я так похожа на тебя.

Как поют деревья

Скажи, ты слышал, как поют деревья,
Роскошной кроной затенив стволы?
А для меня лесные песнопенья
С теченьем лет особенно милы.

Поющий лес... в движенье и в покое...
Я даже в детстве слушала всегда,
Ни стук дождя, ни плеск волны прибоя,
А нежный шум черемухи в цветах.

А этот лес – березовый, холеный.
Июльский зной слегка пошел на спад.

И он звенит симфонией зеленой
В сопровожденье трелей и рулад.

Среди кустов в тени благоговейной,
Десятки строф выводит соловей,
И, будто вторя, ветра дуновенье
Разносит соло иволги с ветвей.

А я, закрыв глаза от изумления,
Стою, прижавшись к белому стволу.
Какое счастье слышать леса пенье
В закатный час в березовом долу!

Прошлогонья весна (песня)

Увядая на глазах,
Жар листьвы под ноги бросив,
Словно грешница в слезах,
Плачет в исповеди осень.
Знаю, в чем корит себя
Эта грешница святая:
Снова вспомнила тебя
Золотая, золотая.

Прошлогонья весна
Вся в подснежниковой грусти,
Где, очнувшись ото сна,
Цвел багульниковый кустик,
Пробежала по крови,
Болью сердце встрепенула.

В грешном омуте любви
Утонула, утонула.

Всякий раз, когда весна,
По оврагам талым бродит,
Вновь меня лишает сна
Это время половодий.
Ты в любви признался мне
Над подснежниковым раем.
Ах, как сердце по весне
Замирает, замирает!

Прошлогодня весна
Будет сниться нам с тобою.
Это поле, как волна,
Голубое, голубое.
С тех проталинок полей
Смывает наш след водою вешней,
Жив лишь в памяти моей
Синеокий мой подснежник.

Осень... В чем ее вина,
Что не вместе мы с тобою?!

Кружит в вальсе тишина
С тишиною..., с тишиною.

Щербинина Татьяна Геннадьевна

Не грусти, моя девочка

Не грусти моя девочка, видишь, уже апрель
Лижет снежный, подтаявший чуть, пломбир...
В этой жизни, где столько обид, поверь,
Нам любить суждено этот странный и чудный мир.

Не грусти моя девочка, скоро наступит май,
Бирюзовое небо увидишь в его глазах,
Ты пойдешь по небу и сядешь на самый край.
Будет прятаться ветер в пушистых твоих волосах.

Зайчик солнечный спустится на ладонь,
На лиловом облаке вдруг зацветет сирень.
Станет зябко под вечер, не мерзни, зажги огонь,
И на Млечном пути из звезд разложи постель.

Только впредь не грусти моя девочка... будет снег.
Без него никак, в нем нуждается этот мир!
И лепить снежки будет маленький человек,
А потом апрель вновь взобьет из него пломбир..

Тот июль

Качалось солнце на макушке ивы,
На цыпочках всю тянулось ввысь.
Был тот июль беспечным и счастливым -
У бабушки калачики пеклись.

Она ухватом управлялась ловко,
Дышала жаром печь, а по окну
Ползла неспешно божия коровка,
Всем видом презирая суету.

Скрипели половицы на крылечке,
Прогреты жарким солнцем до костей,
И было слышно, как воркует речка
С ватагою гогочущих гусей.

А мы качали кукол в старой люльке,
И носик был у чайника отбит...
Окно сарайчика завешивали тюлем -
Мы, как могли, налаживали быт.

И ссорились, казалось, не по-детски,
Огонь обиды полыхал всерьез,
К масштабам приближался он вселенским,
Ещё б чуть-чуть и дружбу перерос.

Тянулись эти дни гречишным мёдом
И путались в глазастых васильках,
А после ночь над тёмным небосводом
Держала звёзды в ласковых руках.

И снова солнце блинчиком янтарным
На цыпочках всюду тянулось ввысь.
Был тот июль наивным и забавным.
Мы просто
Репетировали
Жизнь...

Дочери

Ни одна часть тела не подчиняется разуму,
Лежу, уставившись глазами в цветные обои.
Они пляшут, едут, сливаются нелепыми паззлами,
Образуя в целом картинки, словно кино немое.

Вот лечу я, парю по воздуху, словно птица,
Ночь кругом, а я тьму разрезаю крыльями,
И всё вижу, так ясно-в стекло долбит клювом синица-
В чьём-то доме беда прольётся слезами чернильными...

Вот и ты у окна, но не бойся, беда предыдущая
Никогда не коснется волос твоих, рук или плечиков,
Я же знаю, я вижу, я чувствую сердцем грядущее,
Да и кадры сейчас на стене сплошь из лета, цветов и кузнечиков.

Я вложила в тебя, ты поверь, только самое лучшее,
Изначально оставив себе так любимые дьяволом гадости,
Ты мудрее, намного, вот только головку раздумьями мучаешь:
Почему же штормит иных резко от нечисти к святости?

А ещё говорят, Бог таланты даёт при рождении,
Мне достался один, да забрали, видать, за грехи мои.
Вот и жаждет душа толь спасения, то ли прощения-
На обоях немое кино, ниже титры СТИХИЙные..

...Будут ловко косички плести твои хрупкие пальчики,
И разглаживать рюши с любовью на розовых платяцах,
Станешь лучшею мамой для будущих девочек, мальчиков...
И не дай тебе Бог по ночам на обои паяться...

Воробьёва Елена Геннадьевна

Тропочки детства <https://stihi.ru/2017/08/24/8716>

Забытые просёлочки –
нескошенная грусть...
Позарастили тропочки –
нетоптаной пройдуся.
Где было всё исхожено -
попынь да лебеда,
Лишь в памяти погожие,
далёкие года.

Ах, детство быстроногое,
счастливое до слёз,
Попасть, хотя бы мысленно,
в объятья твоих грёз.
Глаза прикрою, видятся
янтарные поля,
И речка серебристая,
церквушка, тополя.
На берегу селение
родимое моё.
Вот мамочка, по мостику,
спешит стирать бельё...

Приятно вспомнить маленький,
но милый сердцу дом,
Да расписные ставенки,
рябинку под окном.
Вечерки на завалинке,
где вся семья рядком,
Как пахли руки бабушки
топлёным молоком.
Как всей гурьбой с ребятами
носились до зари
И впитывали пятками
тепло родной земли.
Не видели излишества,
росли без баловства,
Нам самым лучшим лакомством,
черёмуха была.
Разъехались подруженьки -
у всех своя судьба,
Где было всё исхожено,
полынь да лебеда...
24.08.2017г.

Пой, курай! <https://stihi.ru/2018/01/28/4384>

Флейта тростниковая - курай,
Я люблю протяжный голос твой,
Мой чудесный, самобытный край,
Сразу предстает передо мной.

Спой же мне, волнующий мой друг,
Про раздолье золотых полей,
Неба синь и лучезарный круг,
Над родной Башкирией моей.

Пой, курай, башкирский соловей,
Нежную мелодию души,
Про ковыльный океан степей,
Расскажи, тростинка, расскажи.

В этой песне тайна древних гор,
Танец ветра, птиц привольный мир,
Трав цветущих тихий разговор,
Подвиги и красота башкир.

В ней звенит серебряный родник,
Шелестит листвой уральский лес,
Скромен мой курай, и невелик,
Ну а песня льётся до небес!

Флейта тростниковая - курай!
Трепетный, башкирский соловей,
Воспевай, наш гордый, славный край,
Сладкой трелью сердце отогрей!

28.01.2018г.

Вот и прощается лето... <https://stihi.ru/2020/08/24/7509>

Вот и прощается лето
Запахом горькой полыни,
Нежным туманным рассветом
И косяком журавлиным.

Бархатцы и георины -
Столько оттенков в букете!
Только, смущаясь, рябины,
Грустно вздыхают о лете.

Да золотистый подсолнух
Красит тропиночки сада.
В небе ночами то сполох,
То фейерверк звездопада.

Щедрый, чарующий август,
Жалко, что ты на исходе,
Крон беспощадно касаясь,
Осень всё ближе подходит...
26.08.2020г.

Легенда озера Култубан...* <https://stihi.ru/2019/03/09/5736>

Звезды, как очи, над гладью сияют,
С гор приозёрных крадется туман,
Было ли, не было... кто теперь знает?
Тайну хранит голубой Култубан.

В Башкортостане, в краю Зауральском,
Рек серебристых, хрустальных озёр,
Жили в ауле семь девиц прекрасных,
Стройных, как лани, красавиц-сестёр.

Девушек односельчане любили,
Ладны во всем: и в делах, и в уме,
Очень добры и приветливы были,
И танцевали, порой, на холме.

Как-то весной, семь башкирок свободных,
Что ни пред кем не склоняли колен,
С вольных, родимых земель, плодородных,
Были казахами угнаны в плен.

Год, как не слышен их ласковый голос,
Плетью истерзана гордая стать,
Ступни пронзает нарубленный волос,
Боль нестерпима, но нужно бежать.

Ноченькой в степь убежали сестрицы,
Пленную жизнь не желая терпеть,
И без любимых в неволе томиться,
Предпочитая бесчестию - смерть.

Конские волосы ноженьки режут,
Травы колючие ранят впотьмах,
Сил больше нет, и все ближе и ближе,
Звуки погони, на резвых конях.

Озеро рядом – и капля надежды,
Выплыть, ведь очень уж изнемогли,
Все-таки, взявшись за руки, в одежде,
В воды глубокие смело вошли.

Ветер подул и измученных пленниц,

Не пощадила лихая волна,
С полным любви, но израненным сердцем,
К близким вернулась всего лишь одна.

Время прошло, вышла замуж девица,
Но в день спасенья, ходила с тех пор,
К озеру, в танце печальном кружиться,
В память погибших красавиц-сестёр.

Звезды, как очи, над гладью сияют,
С гор приозёрных крадется туман,
Было ли, не было... кто теперь знает?
Тайну хранит голубой Култубан...

Култубан... – озеро в башкирском Зауралье.
9.03.2019г.

Не к душе мне суета столичная <https://stihi.ru/2018/02/10/4772>

Не к душе мне суета столичная,
Тороплюсь туда, где благодать,
Где поля ржаные и пшеничные,
Им конца и края не видать.

Там колышет ветер волны хлебные,
Вдоль дорог грунтовых васильки,
Там и воздух и земля целебные,
И мой дом в затишье у реки.

Окунусь босая в утро раннее -
Пахнет мёдом луга акварель,
Рядом небо синее, бескрайнее,
Разливает жаворонка трель.

А потом, заросшими дорожками,
Прoberусь на старенький причал,
Здесь ты мне под вербными сережками
Первые свиданья назначал.

Уловлю, налюбовавшись нивами,
Баннх труб березовый дымок,
К вечеру, почти уже счастливая,
Я вернусь на матушкин порог.

Хороша сторонюшка заветная,
Не спешите, стрелочки часов,
Хочется подольше видеть светлые,
Добрые улыбки земляков.

10.02.2018г.

Расцвели черёмухи в селе
<https://stihi.ru/2017/05/28/7609>

Расцвели черёмухи в селе,
Воздух напоили ароматом,
Горьким, и волнующе приятным
Этот запах с детства дорог мне.

Как невеста, в подвенечном, сад!
Стройные душистые красотки!
Жаль, что миг цветения короткий,
Жаль, что время не вернуть назад...

В памяти до боли и до слез,
Край родной и дом любимый, отчий
Майские, приветливые ночи,
Полные любви и тайных грёз.

Вспоминаю улицу свою,
Молодость беспечную, безумную
Лепестковый ветер белой вьюгою
Осыпает голову мою...

Расцвели черемухи в селе,
Разбудили дремлющую душу,
Снова манят птички трели слушать
На заветной старенькой скамье.
28.05.2017г.

Вечерняя прогулка <https://stihi.ru/2018/11/27/9908>

Завершился ноябрь.
Первой стужей, слегка околдован,
Парк волшебнo красив,
Под сверканьем ночных фонарей.
Серебрится вуаль,
На березках, изящным покровом,
Ветра тонкий мотив,
Чуть звенит, вдоль хрустальных аллей.

Только ветки коснись,
И блестящие искорки-крошки,
С хрупких веток нагих,
Невесомо скользя и кружась,
Тихо падают вниз,
На горячие наши ладошки,
На реснички твоих,
Как снежинки, сияющих глаз.

Город к ночи затих,
Под плывущей над парком, луною.
Освещая нам путь,
Все искрилось: тропинки, кусты.
Показалось на миг,
Что попали мы в царство покоя,
Хоть чуть-чуть, отдохнуть,
От извечной, мирской суеты.
27.11.18г.

Родниковый край <https://stihi.ru/2019/02/06/5889>
Белебеевскому району Башкортостана - Земле поющих родников посвящается...

Светлый край - ромашковые дали,
Вдоль Усени - небольшой реки,
Родниковым люди называют
С чьей-то легкой любящей руки.

А ведь он, и вправду, родниковый,
Сколько их в земле моей родной!
И в жару, и в зимний день, суровый,
Шелестят прохладною струей!

Из глубин, сквозь горные породы,
Кажется, что хрупок - нет, могуч!
Благодатный дар родной природы,
Пробивается на волю ключ.

Жажду утоляют, исцеляют,
Каждый своим свойством наделён,
Чистотой кристальной восхищают,
А Святым – особенный поклон!

Тихий край - берёзовые склоны,
Но журчаньем звонким по весне,

Словно колокольным перезвоном
Роднички наполнят душу мне.

Пусть живут, трепещут, вдохновляют,
Сохраним с любовью, земляки,
Музыку родительского края
И источник жизни – родники!
5.02.2019г.

Насретдинова Алина

Вперед, Атаман!

- Сын, подожди меня!

Высокая трава сминалась под ногами маленького человека, несущегося вперед изо всех сил. В свои семь лет Минигали бегал быстрее своих сверстников и всегда побеждал друзей в играх. Сейчас он бросил вызов своему отцу; отец делал вид, что сердится за его шалости, но в глубине души очень гордился своим маленьким богатырем и очень любил его.

Стоило маленькому Минигали обернуться на секунду, отец легко и ловко подбросил хохочущего сына на плечи. Взгляд упал на стадо лошадей, мирно пасущихся неподалеку. Чуть поодаль виднелась черда деревянных домов, построившихся в ряд разноцветным строем.

- Вот и твое родное село, улым, - мягко произнес отец. – Биштяки.

- Атай, а расскажи про Салавата! – Минигали ловко спрыгнул на землю и устроился в тени большого дуба. – Вы дружили?

Отец рассмеялся.

- Нет, но все же мне есть что про него рассказать.

Мальчик устроился на земле, с боевым настроением сжимая толстую палку в руке.

- Зачем тебе палка? – насторожился отец.

- Я же буду как Салават, - в недоумении ответил Минигали.

- Эй-балам, - покачал головой отец. – Сила Салавата не в оружии, а в голове. Ты думаешь, Салават силой врагов побеждал? Тут грамотный подход нужен. Слушай. Случилось как-то отряду Салавата столкнуться с командиром Рылеевым. Жестокое было у них сражение; силы были равными. Но пришлось Салавату отступить.

- Как отступить? – недовольно воскликнул Минигали.

- А ты не перебивай, улым - отец шелкнул сыну по носу. – Ушел отряд Салавата прямо в болото. Вот уже и радуется русский командир – мол, не было даже потерь с их стороны. Но не успели сомкнуть глаз русские, как наши башкиры с новыми силами выскочили на них; на расслабленных и сонных. Дух башкир не сломить! Это была великая битва, но битва не орудий и солдат, а битва тактик. И ты должен быть таким: не хвататься вперед за палку, а вначале подумать хорошенько. И запомни важные слова «Потомки Салавата отступать не умеют!»

Все понял? А теперь пошли, надо лошадей перегнать.

Отец подошел к самому большому коню по кличке Алтын и дружески похлопал его по мускулистой шее. Жеребец одобрительно фыркнул, как бы разрешая хозяину взять ответственность за его табун. Мужчина потянул жеребца за шею и подвел к быстрой реке. Неподалеку был брод, узкий, но илистый. Взрослые лошади легко с ним справлялись, но в табуне был маленький жеребенок Атаман. У Минигали мелькнула мысль, что ему будет трудно совладать с трясинным берегом, однако он беспрекословно слушался отца и доверял его интуиции. Мальчику нравилось смотреть на лошадей, слушать цокот их копыт, он невольно залюбовался грацией сильных животных. Табун, вслед за Алтыном перебрался на другой берег. Минигали хотел уже пойти искупаться, как вдруг увидел: тонкие ноги маленького жеребенка беспомощно бьются в илистом берегу, и его вот-вот могло снести течением. Отец тоже заметил бедствующего жеребенка и попытался вытянуть его за шею, но все попытки были безуспешными.

- Ну же, киликай, вперед! - приговаривал он с опаской.

- Я сейчас, - Минигали опрометью кинулся к лодке, привязанной к берегу и вернулся уже с веревкой.

Несколько секунд он не знал, как поступить.

- Ты не сможешь его вытащить, - крикнул отец. – Видишь, даже я не могу.

Эта фраза и натолкнула мальчика на немного безрассудный, но единственный выход: один край веревки он отдал отцу и велел привязать жеребенка, а другим концом он проделал то же самое с Алтыном. Это оказалось нелегко: жеребец был больше его раза в три, а еще он смотрел на него очень строго, но уважительно. Все стадо было уже беспокойно: лошади переминались на месте, фыркали, громко ржали. Большая вода была совсем рядом, и мальчик понял: медлить нельзя. Убедившись, что отец закончил, Минигали палкой ударил жеребца по крупу и заставил его что есть силы рвануть. Вначале Алтын лишь подпрыгнул на месте, чуть не сбив с ног Минигали, но затем конь понял, что от него хотят. Атаман пронзительно ржал, отец направлял его, а мальчик старался немного успокоить разъяренного жока. Вдруг конь резко дернулся вперед, и маленький жеребенок словно вылетел на землю, беспомощно болтая ногами. Отец поспешно его отвязал и еще пару минут приводил в чувство.

- Ну, ты даешь Минигали, ну, голова! Ну, смельчак! – с гордостью сказал отец, и потрепал непослушные

вихры сына. – Посмотри на нашего киликая: как он сразу к маме прижался.

И вправду, маленький жеребенок, еще мокрый, но уже гораздо более резвый, прижимаясь, по пятам следовал за мамой.

- Пообещай мне, что всегда таким будешь, - сказал отец. – Храбрым и сообразительным, и будешь защищать тех, кто с тобой рядом.

- Обещаю, - твердо сказал Минигали.

Тогда он не придавал этим словам большого значения, но запомнил их на всю жизнь, как клятву, которой неустанно следовал.

Дома отца и сына уже ждала мать с горячим бишбармаком и кувшином забористого свежего кумыса.

- Посмотри, Минигали. Это хозяин лошадей тебе передал, - счастливо сказала женщина. – Не зря ты трудишься!

Минигали знал, что лошади не принадлежат отцу, но от этого он любил и заботился о них не меньше. Мальчик мечтал, что когда станет взрослым, у него обязательно будет свой конь.

- Минигали, пей кумыс, - улыбнулась мать.

- Наш Минигали сегодня герой, - сказал отец. – Только послушай, что он сегодня сделал!

Пока отец рассказывал историю, Минигали задумался: как же там сейчас жеребенок, напуганный и озябший? В ту же секунду мальчик поблагодарил мать за обед и выбежал. Он прибежал к мирно пасущимся лошадям и нашел среди них Атамана. Ароматную хлебную горбушку и кумыс он отдал жеребенку, малыш жадно пил из пиалы, приятно тыкаясь мягкими и влажными губами с удовольствием ел хлеб с ладони.

- Вот Минигали! Вот добрая душа! – увидев, покачала головой мать. - И что же нам с таким делать?

- Гордиться им нужно, - ответил отец. – Он еще станет настоящим батыром.

Николайченко Ксения Александровна

Письмо из будущего

(рассказ)

Здравствуй, Серик. Как дела? Как жизнь? Хотя чего я спрашиваю? Насколько могу припомнить, восьмой класс был самым безоблачным в моей школьной жизни...

Ну, не буду зря тратить время (коим не располагаю) и скажу прямо: «Чем бы ты сейчас не занимался, бросай это! Ибо я очень сомневаюсь, что ты сейчас решаешь алгебру, вникаешь в физику или, на худой конец, разглядываешь в телескоп звёзды. Потому настоятельно убеждаю: прекращай маяться чепухой! Возможно, тогда ты не будешь лет этак через десять, кутаясь в дырявый плед, воевать с тараканами на съёмной хате у чёрта на куличках и тоскливо обводить в бесплатной газетёнке объявления вроде: «Требуется грузчик».

Отчего так уверенно предрекаю тебе бесславное существование? Всё просто, мой ленивый друг. Я, собственно, и есть твое будущее. Пожалуй, не без основания сомневаясь в уровне твоего интеллекта, буквально объясню «на пальцах». Однажды слякотным и мерзопакостным вечерком, чувствуя бурчание своего голодного желудка, я, Серафим Покровский, двадцати четырёх лет от роду, от полной безысходности в поисках чего-нибудь съестного решил обыскать все закутки грязной, обшарпанной временной берлоги, куда меня забросила злодейка-судьба. На антресолях были обнаружены початый пакет подсохших спагетти и (о, ур-ра!) слегка ржавая баночка шпрот. Правда, с истёкшим сроком годности. Но не суть. Параллельно в ящике комода я совершенно неожиданно наткнулся на перевязанные голубой ленточкой старые письма, адресованные некой Покровской Зинаиде Петровне. Это, значит, полной тёзке моей, ну и твоей, соответственно, бабули. Полистав пожелтевшие страницы, я понял, что каким-то непостижимым образом переписка наших бабушки и дедушки оказалась в совершенно чужом и неожиданном месте. Обследовав старую антикварную мебель, заметил также и твой, Серик, школьный дневник. Помнишь, ты его повадился прятать от отца именно в нижнем ящике бабкиного комода? Последняя дата, отмеченная на нём, – 18 сентября 2017 года. Сказать, что я был удивлен, значит, ничего не сказать. Через несколько дней я решил вновь осмотреть свою странную находку. И вот что любопытно: в твоём табеле добавилось уже целых четыре двойки и два замечания! Самая же свежая запись приглашала родителей к директору 25 сентября. Изо дня в день я ошарашенно наблюдал, как в геометрической прогрессии увеличиваются неудовлетворительные отметки в дневнике, а заодно и нарастает волна праведного учительского гнева. И в конце концов догадался, что объём заложенных в табеле негативных эмоций неизбежно создал некую энергетическую воронку, прорвавшую пространственно-временной континуум.

А-а-а... В общем, не вникай. Просто ПОВЕРЬ МНЕ. Если что, это не прикол, я не был пьян, не сошёл с ума и даже не курил веселящую траву! И не для того сейчас корплю над этой бумажонкой, чтобы ты скомкал мой труд и презрительно выбросил его в урну!

А потому слушай и только посмей, только попробуй подумать о том, чтобы не запомнить хоть малую долю моих напутствий. Я не знаю, получил ли ты это письмо до того, как подорвал новую химическую лабораторию в школе или после, но буду надеяться, что ДО.

Я понимаю, что половина твоих одноклассников мечтают школу сжечь, процентов двадцать пять – взорвать, а оставшаяся четверть – вначале сжечь, а потом уже взорвать. Но убеждаю тебя: не стоит взваливать на свои плечи сию исключительную миссию, ибо в итоге тебя на этот раз исключат из гимназии. Каких невероятных трудов будет стоить предкам вернуть тебя обратно, мне до сих пор вспоминать неудобно.

Идём дальше. Когда, прогуливая литературу, ты увидишь, как нетрезвый сосед несёт старую гитару (действительно старую, без струн и с облупившимся лаком) на помойку, не вздумай придерживать шаг, не

подбирай, не чини и, уж тем более, не ставь на корпусе инструмента остроумную, как ты считаешь, надпись: «Я есмь Дуб Святой». Так вот, дубина ты стоеросовая, если сейчас же не возьмешься за ум, злосчастную гитару наденут тебе на ту часть тела, где этот самый ум предположительно должен находиться! Не помню, в каком классе это было, в одиннадцатом или в десятом, но сломанная челюсть – это больно ОЧЕНЬ. Тем более не стоит надирать свой силплый голос под окнами девчонок: карьера известного рок-певца тебе явно не светит, твой «потолок» – это звание короля подъездных концертов.

Следующее. Если ты хочешь сохранить свои зубы в целости, на выпускном вечере не целуй Коростыльёву! И Могилёву на всякий случай тоже, потому как уже не припомню, чей именно отец тогда подошёл прививать мне хорошие манеры и чувство самосохранения. Но, к моему глубочайшему сожалению, в проведении дипломатических переговоров он оказался слабоват – передние керамические зубы мне до сих пор об этом напоминают.

Также не стоит лезть на спор на балкон четвёртого этажа к учительнице математики с букетом ноготков, собранных в её же палисаднике, с театральным воплем: «Я без ума от вас!» Потому как скалолазание – это таки не твоё. Если бы не тот памятный перелом правой бедренной кости, возможно, тебя бы забрали в армию и сделали из тебя человека!

К слову, не напивайся на последнем звонке: одноклассники переживут отсутствие тебя в компании, а вот твой организм чрезмерное количество дешёвого портвейна – нет! И не надо краской писать над парадным входом в гимназию: «Счастливо оставаться, лохи!» – потому как с утра тебя поднимут и, не дав даже опохмелиться, погонят закрасивать свои же художества. И вообще, не ходи на выпускной – я до сих пор не могу припомнить всех своих подвигов, но зато одноклассники при встрече мне регулярно о чём-то напоминают!

И да, когда тебе в голову придёт очередная «гениальная» мысль бросить в школьный унитаз дрожжей да побольше, гони эту самую мыслишку-искушение от себя поганой метлой. Я понимаю, что тебе не дают покоя лавры шестого подвига Геракла по очистке Авгиевых конюшен, но спешу заверить, в противном случае тебе представится уникальнейшая возможность его повторить.

Что ещё? Повзрослей уже, наконец, и не слушай советов своего «бывалого» старшего брата, вспомни хотя бы случай, как ты получил двойку за четверть по русскому языку в пятом классе, после того как он тебя просветил о том, что слово «богослов» – это не существительное, а сомнительное божество длинноухих и упрямых животных и пишется раздельно: «бог ослов». По похожей схеме ты окажешься в очень тёмном, дурно пахнущем месте ещё столько раз, что у меня не хватит бумаги перечислять!

Но даже если ты всё-таки не внемлешь опыту взрослого человека и окажешься в той же ситуации, что и я, то хотя бы соседского кота не пинай, меня достало каждое утро подбирать его «подарочки» под дверью!

Не обнимаю и не целую, что бы ты там себе не напридумывал! Если бы мог, однозначно дал бы тебе, болтусу, хорошего пендала. Искренне желающий тебе увеличения серого вещества в черепной коробке, Серафим.

P.S. И положи мне немного еды в тот самый пресловутый нижний ящик бабкиного комода... Ну, как немного... Короче, забей весь ящик сервелатом.

Твой единственный искренний друг. А как же иначе?
Серафим Покровский.
07. 01. 2030 года.

Зарипов Марсель

отрывок из романа «Красный Корсар»

Часть I

I. Важный груз.

Колонии Англии. Остров Род-Айленд, старинный город Ньюпорт.

К берегу причалил большой конвой кораблей.

Жители города, видя, как толпы солдат выходят на берег, взбудоражились.

Кто-то считал, что войска из метрополии прислали с целью дальнейшего угнетения индейцев, но они глубоко ошибались.

Метрополия прислала в колонии конвой, во главе которого был адмирал Блэйк, с целью передачи большого драгоценного бриллианта английской короне. Вместе с тем, конвой должен был забрать золото с острова, которое помогло бы укрепить Англию.

Конвой состоял из двух галеонов и трех фрегатов. Тысяча солдат Английской Короны с минуты на минуту готовились взять под защиту этот сверкающий камушек и горы золота.

Жители Ньюпорта видели, как адмирал Блэйк, сойдя на берег, о чем-то яро и восторженно беседовал с губернатором Род-Айленда.

Власти передали бриллиант адмиралу, и тот, под усиленной охраной, ушел на свой флагманский фрегат. С ним шли его помощники, капитаны фрегатов и галеонов, половина из них, были новичками. Среди них выделялся своей необычной внешностью, капитан фрегата, Ингольф.

Ингольф стал капитаном фрегата сравнительно недавно. Ему шел двадцать четвертый год. Внешне он был красив: голубые как небо глаза, каштановые волосы, опрятный вид, манящие своей долей красоты, но и, к сожалению, уродством, пунцовые щеки. Сабельный удар на левой щеке портил его лицо – давно засохший, багряный рубец сильно выделялся на молодом лице.

Никто не осмеливался спросить: "Как же ты Ингольф, получил этот грубый удар?". Он не любил, когда пристальные и пытливые взгляды всматривались в его лицо, для него это было обидно и неприятно. Несмотря на свою молодость, этот удалой капитан был крепок, силен и двусмысленно высок. Его немного побаивались. Ингольф сам по себе был суров, серьезен. Он хорошо знал корабельное ремесло - умел он строить и чинить суда. Был сведущ в хитростях морского. В искусстве владел английским, французским, испанским, голландским языками, поэтому с первых дней на службе у адмирала Блэйка, стал одним из главных его помощников, и имел не только доверие, но и большой авторитет.

Помимо бриллианта, матросы тащили десятки тяжелых сундуков с золотом в трюмы галеонов и фрегатов. Через час груженный конвой уплыл прочь с острова Род-Айленд и на всех парусах направился в метрополию.

II. Пираты по курсу.

Конвой уверенно шел к своей цели. Он прошел полпути к берегам Англии.

Все было тихо и спокойно.

Радостный адмирал Блэйк решил устроить собрание в своей капитанской каюте и поговорить с капитанами о скором обогащении.

Собрались все пять капитанов и собственно сам Блэйк за круглым столом.

Блэйк торжественно начал, показав всем бриллиант:

- Господа капитаны, видите, как он сверкает, совсем скоро мы озолотимся, король Карл очень ждет этот бриллиант, и он щедро нам за это заплатит, золотые горы нам обеспечены. Наша задача, доплыть без больших происшествий. В бой без моего приказа не вступать. Надеюсь, пираты не такие глупцы, чтобы напасть на такой мощный конвой. Все свободны.

Капитаны кивнули Блэйку и вернулись на свои суда.

Палящий день. Солнце в зените. Блэйк внимательно смотрит в подзорную трубу, боясь представить, что на горизонте он увидит пиратов. Ему не хотелось лишних стычек, ведь так он бы потерял время.

Но, к его сожалению, он будто-бы напроорочил себе пиратов. На горизонте он увидел четыре пиратских судна, позже Блэйк распознал их по очертаниям, это были пиратские фрегат и шхуны. Они уверенно плыли к конвою на всех парусах.

Блэйк, не желая встречи с пиратами, приказал капитанам плыть на полных парусах, невзирая на погоню.

Но груженные корабли были менее быстры, чем пиратские шхуны. Пираты постепенно настигли конвой.

Они не стали ждать, пока по ним начнут палить из всех орудий, пираты первыми открыли огонь, полсотни ядер полетели на фрегат Блэйка, после шхуны маневрировали между фрегатами и защитники конвоя не могли ничего сделать.

Блэйк со злобой сказал:

- Палите из ружей, поджарьте их!

Ингольф приказал своим солдатам:

- Палите в ближайшую шлюпку, не давайте пиратам ходить у нас под носом, сделайте так, чтобы они держались на расстоянии!

Солдаты картечью палили по пиратской шхуне, пираты вываливались за борт. Истекая кровью, пираты вели огонь, они продолжали палить из пушек.

Как оказалось позже, шхуны были лишь отвлекающим маневром, они отвлекли огонь на себя. А тем временем, пиратский фрегат взял на абордаж флагманский фрегат конвоя, в котором был Блэйк и бриллиант.

На судне была резня. Две сотни пиратов рубили защитников драгоценного камушка. Они зачищали каюты, Блэйк в это время отстреливался на палубе, он был зажат со своими офицерами. Все уже было предreshено, пираты почти уничтожили флагманский фрегат, но вдруг, пираты отступили, возможно, они нашли то, что искали.

Пиратский фрегат на всех парусах уплыл от конвоя.

Блэйк, видя, что пираты отступили, скорее побежал в свою каюту и проверил на месте ли спрятанный бриллиант, но он обнаружил потерю, бриллиант пропал. Он обратно поднялся на палубу и осмотрелся: шлюпки были уничтожены, фрегат Ингольфа и галеон с золотом немного пострадали, но продолжать путь могли.

Быстро все обдумав, он всем сообщил:

- У нас нет выбора, нам нужно догонять тех негодяев! У них наш бриллиант! Какие же мы глупцы, шхуны были только отвлекающим маневром. Они украли бриллиант, а золото не тронули, откуда они знали о бриллианте!

Ингольф на равных ответил Блэйку, перебив его:

- Это бесполезно, наш конвой гружен золотом, нам их не догнать, но я знаю что делать.

Блэйк заинтересованно, с нетерпением, спросил:

- Что же?

- С моего фрегата нужно выгрузить сундуки золота на менее загруженные фрегаты. После, я нагоню пиратский фрегат и верну бриллиант. Другого выбора у нас нет.

- Я знаю, что ты хороший капитан, но нам нельзя рисковать, поплывем вместе!

- Не получится, придется выкинуть золото за борт, с нас будут взыскивать это золото.

Блэйк раздосадовано сказал:

- Ты прав, делать нечего, плыви!

С фрегата Ингольфа выгрузили золото, и он уплыл в сторону пиратского фрегата.

Конвой тихо продолжил свой путь в метрополию, а Ингольф направился нагонять пиратов.

IV. Сделка дьявола.

Тем временем, капитан фрегата Ингольф доплыл до пиратского фрегата.

Было странно то, что корабли мирно встретили друг друга.

Ингольф сошел со своего судна на пиратский фрегат. Он повелительным тоном сказал:

- Капитана сюда!

Офицер позвал капитана пиратского судна, тот вышел из своей капитанской каюты.

Ингольф продолжил:

- Ты неплохо справился со своей задачей и как я обещал, вот... три сундука чистого золота.

Подкупные матросы Ингольфа притащили три сундука золота и поставили их у самих ног капитана пиратского судна.

Тот открыл сундук и попробовал надкусить золотую монету со словами:

- А монеты хороши, они стоят моих шхун и потерянных пиратов, но этого мало, дай еще, я сделал эту грязную работу за тебя, чтобы ты не пал под подозрение, а что же я? На меня устроят облаву. Я сдам тебя, если не дашь мне больше!

Ингольф быстро думал про себя: даже если дам ему больше, он сдаст меня, чтобы еще больше озолотиться, жадный пират, виселица его не исправит.

Ингольф сказал:

- Да, ты многого заслуживаешь, поэтому, мой друг, я сам лично принесу тебе сундук.

Пират оживился, сказав:

- А это уже другое дело. Хе-хе...

Ингольф ступил на свой фрегат и приказал матросам у пушек:

- Ого-о-онь! – после приказа, он крикнул сквозь шум ядер капитану пиратского судна, - а как тебе такое золото, жалкий пират!

Фрегат пиратов трясло и рвало. После того, как пушки прогрохотали, Ингольф приказал добить фрегат пиратов еще одним залпом. Пираты не ожидали такого исхода, они даже не успели приготовить пушки, как на них обрушился второй залп.

Видя кровавые тела по всему вражескому фрегату, и золотые монеты, шедшие ко дну, Ингольф приказал:

- Достаточно, теперь жадность прощена этому жалкому пирату. Пусть идет ко дну со своим запятнанным в крови золотом. Полный вперед, берем курс на Англию.

Галиакберова Айгуль Радиковна

Значит, мы умрём?

(рассказ основан на реальных событиях)

Усталость. Свинцовой тяжестью наливаются веки. Непроницаемой пеленою дремота то и дело накрывает сознание. Но грубый окрик: "Ассистент! Не спа-а-ать!" – вырывает меня из тисков Гипноса обратно в явь. В глазах – резь от нестерпимо яркого света бестеневой операционной лампы, а руки по-прежнему в мёртвой хватке сжимают крючки, раскрывающие рану на покрытом татуировками предплечье пациента. Обилие татуировок, как впрочем, и их специфичность, свидетельствует о том, что пострадавший большую часть своей жизни провёл в местах не столь отдалённых. Моё тело, затекшее от длительного статичного положения, нестерпимо ноет уже третий час, ломит шею и затылок, противные инструменты норовят выскользнуть из уставших ладоней, а на подоконнике маленький будильник с надтреснутым циферблатом показывает четыре утра. Что поделать, коль такова незавидная доля студентов всех медицинских вузов – будь-то где-нибудь в далёкой Америке или скажем у нас, в Уфе.

Максим, молодой ординатор, без энтузиазма ковыряется в ране, выискивая концы разорванных сухожилий, я же пытаюсь сфокусировать взгляд, дабы оценить проделанную работу и, что греха таить, прикинуть – каковы шансы покемарить до начала лекций хоть пару часов. Ординатор насаживает толстую хирургическую иглу на один конец перерезанной локтевой мышцы и подтягивает другой её край, дабы прошить одним движением.

Кисти травматолога слегка дрожат от напряжения и усталости. В момент максимального натяжения мускулатуры игла внезапно прорезывается через разволокнённую плоть и, срываясь, втыкается в палец врача.

Перевязочную оглашает рык боли. В последующее мгновение Максим с силой выдёргивает иглу, срывает перчатку, а медсестра принимается обрабатывать ему рану.

Пациент с интересом наблюдает за развернувшейся суетой. Затем с нескрываемым злорадством произносит: "Зря суетитесь, доктор. Я ВИЧ-инфицирован". Брови травматолога обиженно взметнулись вверх. Глазные щели и так немаленького славянского разреза округлились, а зрачки до предела расширились, утопив почти всю голубизну радужки в немом вопросе: "Как? Как это могло случиться? Почему именно со мной?"

Валентина Петровна, старшая медсестра отделения, в припадке справедливого негодования своей внушительной грудью идёт на таран перевязочного стола, на котором лежит единственный человек, которого всё происходящее похоже забавляет. "Что ж ты, мерзавец такой, раньше молчал?!" Всё довольство с мужика мигом слетает, поскольку стол под ним опасно качнулся. "Такому убудку, как ты, в шприц воздуха подкачать не жалко!" – не унимается разгневанная женщина. "Дык... я думал, вы как про меня всё узнаете, помощь не окажете!" – оправдывается мужичок, нервно дёргая половиной лица.

"Куда бы мы делись, только я б кольчужки из сейфа достала!" – продолжала наседать медсестра. Надо же...

Какой дефицитный товар у неё имеется. Между прочим, как раз для подобных случаев. Сверхплотные устойчивые к повреждениям перчатки с кольчужным плетением. Да только поздно уже об этом говорить. Эх... Уже через минуту, на ходу накидывая белый халат, в проёме двери появляется заведующий приёмным покоем Матвей Пахомыч.

"Мать вашу! Какого рожна вы колушаетесь в перевязочной? Вместо того, чтобы под наркозом, да в операционной, да по всем правилам разделить эту... сволочь!!!"

Не знаю как у остальных присутствующих, но у меня тут же возникло стойкое желание слиться со стеной где-нибудь в углу.

"Ты! – указующим перстом тычет он на растерявшегося Максима. – Вон! Вон под капельницу, сейчас же! Валь! А ты что встала, что твой памятник? Работаем! И не действуй мне на нервы своим траурным видом! Поздно уж сокрушаться! Вот и доверяй вам дежурство после этакого!" Далее следует длинная нецензурная мантра хирургов, применяемая лишь в самых чрезвычайных ситуациях. Отточенными движениями Пахомыч вяжет несколько крепких узлов на фасции, затем на коже, которые, правда, располагаются несколько реже, чем следовало бы, отчего лицо вытатуированной русалки приобретает слегка скобоченный вид. Но в свете непредвиденных обстоятельств, кто бы вздумал придирается?

"Ну, всё, что ли? Вот спасибо..." – ощерился было довольный уркаган.

"А тебе-то уж какое спасибо!" – не выдержал подобной наглости заведующий, и одним чётко поставленным ударом приложился к лицу не успевшего удивиться мужика. Благо на докторе в тот момент была та самая единственная на всю больницу пара кольчужных перчаток. Хруст носовых хрящей Пахомыч сопровождал словами: "Только лор-врача на этот раз предупредить не забудь! А то следующим специалистом, к кому попадёшь на приём, будет патологоанатом!"

А в приёмном покое старенький проигрыватель очень кстати завывал голосом Земфиры: "А у тебя СПИД, и значит мы умрём! А у тебя СПИД..."

Без лишних раздумий подхожу к вредоносной аппаратуре, вдавливаю кнопку "СТОП", выуживаю из его пыльного чрева радужный диск с профилем певицы и без сожаления с силой опускаю о край стола. Глухой треск. Половинки круглого пластика летят в урну, ибо нам ещё рано умирать. Слишком рано.

Цацина (Васильева) Мария Романовна

Суженый

Как многие анекдоты берутся из жизни, так и для большинства рассказов выдумывать сюжет вовсе необязательно. Сколько невероятных и, казалось бы, нереальных историй можно услышать от наших бабушек и дедушек, которые те, в свою очередь, слышали от своих родителей. Вот одна из них, передающаяся из уст в уста в нашей семье по материнской линии.

Как-то на святочной неделе в избе у Маруси собрались деревенские девчата, чтобы погадать. Шутка ли, почти каждой пора замуж, а женихов-то и нет. Перепробовали все известные способы: и валенок за калитку бросали, и дрова из поленницы в темноте вытаскивали, и даже воск топили. Нахохотались, навеселились вдоволь да и разошлись по домам. А Маруся все не могла успокоиться: вдруг неприглядный будет муж у нее, или злой, как сосед Михайло, который без конца колотит свою тщедушную женку. А то и вовсе пьяница какой... Надо верный способ узнать, да вот только как?

Долго она возилась на печке, пока мама не спросила, отчего ей не спится.

Спустилась Маруся к ней, прижалась крепко, положила голову на грудь да и поделилась своими печальми.

- А ты лепешку замеси, - посоветовала мама. – Крепко посоли ее да под голову на ночь положи. Как засыпать станешь, прошепчи: «Ряженный, суженый, лепешкой поужинай». Он соленого поест, а после придет воды напиться. Там и поглядишь на своего жениха.

- А правда ли, маменька, придет?

- Придет, донюшка. Куда ж он денется?..

Маруся тихонько пробралась к столу, зажгла огарок свечи и замесила кусочек теста. Соли не пожалела: очень уж ей хотелось на суженого поглядеть. Взобралась обратно на печь, лепешку бережно под подушку сунула, да так и шептала, пока не уснула: «Ряженный, суженый, лепешкой поужинай...»

Конский топот и громкие мужские голоса наполнили двор. Маруся выглянула в заиндевшее окно – не видать. Подышала на него хорошенько, проковыряла малюсенькое отверстие во льду: незнакомые все люди... Слышит, в избу кто-то идет: постучал в сених ногами, обил приставший к обуви снег и, входя, впустил целый столб ледяного воздуха, который окутал чужака с ног до головы.

Маруся кинулась встречать гостя. Тот вежливо поздоровался и снял с головы папаху. На мужчине был офицерский мундир, лихо закрученные вверх усы покрыты инеем, а небольшие глубоко посаженные глаза по-доброму улыбались Марусе.

- Хозяюшка, я там у вас во дворе колодец присмотрел. Мне бы коня напоить с дороги и самому неплохо напиться да умыться... Ты хоть бадью какую дай или ведро, коли не жалко...

- Отчего ж не дать-то? – засмушалась Маруся. – Голос у офицера был низкий и негромкий. Но сам он ей не понравился: невысокий, поджарый, чернявый. Ей больше по душе были светлые да кучерявые ребята. А этот будто и не молод вовсе...

Гость откланялся и ушел во двор, а девушка принялась хозяйничать по дому. Слышит, маменька кличет:

- Маруся, доня, утро на дворе...

Неужто все во сне привиделось, недоумевала она. А после вспомнила, как надясь лепешку соленую катала. Да и разревалась в голос.

Мать кинулась к ней, осматривает всю, охает. А та ревет, слова вымолвить не может.

Через какое-то время отдышалась.

- Я ведь, маменька, видала его, жениха-то. Только за такого замуж не пойду. Не люб он мне вовсе, не о таком муже я мечтала.

- А что же с ним не так, Маруся? – у матери отлегло от сердца, и та рассмеялась – не так все оказалось и страшно, как она успела себе надумать.

Девушка поведала все, о чем грезила во сне. Но в своем решении была категорична – не люб и все тут.

- Так то ж всего лишь сон, донюшка. Мы с тятьей тебе хорошего мужа найдем, не переживай.

... Зима длилась долго. Но как бы холода ни хозяйничали, пришел черед теплу наступать. Снег постепенно начал сходить: сперва потемнел на открытой местности, стал рыхлым и неровным, а после и вовсе просочился ручьями в талую землю и исчез.

Как-то в воскресенье, когда Маруся с семьей только вернулись из церкви, по улице мимо из избы проскакали несколько всадников. Тут же развернули коней и обратно, прямо ко двору. И услышала девушка сквозь распахнутое окошко, как один из них сватает ее, мол «у вас товар, у нас купец» и все в этом роде, стихами да прибаутками сыпет, спешился и вот уже крепко жмет руку ее тятю.

Едва ли не носом прильнула Маруся к окну, высматривает, кто же ее сватать приехал, а у самой сердце того и гляди выскочит, шумит так, что уши закладывает. Да вот только всадники как назло все спиной к ее окну повернуты, лиц не разглядеть.

- Мама, - кличет, - мама! Поди, погляди, что за жених там? – громко шепчет Маруся, а сама не сводит глаз с гостей.

Отец приглашает сватов в избу, отобедать да отметить сватовство, мама велит дочери быстро надеть свою лучшую юбку, и тут один из всадников спрыгивает с коня и поворачивается к ней.

Не может быть! Маруся на мгновение немеет, ее милое лицо с огромными голубыми глазами и румяными щеками искажает неприглядная гримаса. Не может быть!

Прямо напротив нее стоит тот самый офицер из ее давнего зимнего, как она сама его называет «кошмарного» сна. Те же усы, лихо закрученные вверх, те же глаза, ухмылка, шаровары... Один в один он.

В панике она начинает метаться по избе, думая, куда бы спрятаться от неожиданных гостей: под кровать, в сундук? Да, точно, в сундук! Поспешно выкладывает прямо на пол содержимое сундука, освобождая себе в нем место, как вдруг в избу входит ее крестный. Нарядный по-воскресному, довольный, а за ним неизменно тащится по полу длинный кнут, заткнутый сзади за пояс.

- Вот, девонька, и твое счастье пришло! Замуж теперь пойдешь, мужняя жена станешь, - ласково увещевает он. – Что ж это ты уборку затеяла, когда сваты на дворе? Али в сундук от них прятаться удумала? – хохочет крестный.

- А вот и удумала! – зло шепчет разоблаченная девушка. – Не пойду за этого замуж. Не пойду и все тут. – Она даже ножкой сначала хотела топнуть, но вовремя передумала: негоже так с крестным разговаривать, авось еще оплеуха прилетит – с него станется.

- То есть как «не пойду»? – мощность в голосе мужчины нарастала с каждым словом. – Как это «не пойду»?

Это что еще за новости? Такого жениха, как у тебя, любая бы с руками-ногами оторвала. А ну марш знакомиться! – А сам уже рукоятку кнута за спиной нащупал и вытаскивает его медленно.

- Не пойду, хоть убей!

- А вот и убью! Прямо сейчас убью! – кричит крестный и звонко щелкает кнутом в воздухе.

От испуга девушка аж подпрыгнула. А потом рухнула в ноги мужчине и давай причитать:

- Он же маленький совсем, щупленький какой-то, чернявый. Некрасивый вовсе, злой поди. И старый.

Крестный, миленький, не отдавай меня ему, прогони его, я лучше с маменькой всегда жить стану, помогать буду во всем, только не отдавай, - тархтела Маруся, снизу вверх глядя на непоколебимого крестного.

Еще щелчок кнута. Еще один. Маруся подскочила, мигом утерла слезы. «Ладно, подумала она, ваша взяла. Но только я так себя вести стану, что он сам меня обратно вернет». Улыбнувшись внезапно найденному решению проблемы, она покорно пошла вслед за крестным...

- А что же потом было, бабуль? Поженились они в итоге?

- Поженились. И жили надо сказать хорошо, дружно. Одиннадцать детей у них было, я – самая младшая. Папа очень маму любил, заботился о ней, берег, помогал во всем. Да и она ему отвечала взаимностью.

Александр Лаптев умер в 1958 году в возрасте 68 лет, а его жена Мария пережила его на 19 лет. Вот тебе и «ряженный, суженый»...

Корнилова Альбина Фанилевна

Монолог с Евой.

Часть первая.

Ах, Ева! Мы с тобой такие похожие! Мириады голосов вопияли наперебой, затмевая глас змея. Вкуси!

Среди них был и мой голос. Я кричала громче всех! Ты слышала?

Этот плод... Как он был хорош! Как сочен и вожделен! Сок искрился сквозь тонкую кожуру, словно эликсир

новой жизни. Жизни, полной знания и независимости.

Прекрасен! Его вид пьянил око.

А аромат! Не сравнить с плодами древа жизни. Такими... Слишком простыми...

Действительно, как - то все просто у Бога. И как же мы раньше не замечали этого, Ева?

Как я ликовала, Ева, когда ты, наконец, протянула руку и коснулась грозди. Тяжёлая... Ещё немного и она упадёт на землю!

Всё перемешалось в тебе, Ева.

Глас змея, наши крики - огненными стрелами разожгли пламень похоти.

И ты сделала это, Ева.

Также пели птицы. Также игрались тигры на поляне.

Сок был приятен. Стало как-то непривычно томно и жарко. Тоскливо потянуло к освежающим плодам древа жизни...

У нас был бы шанс, но ты дала есть Адаму. Да и как он мог отказаться? Ты была его всё, Ева. И он не устоял.

Всё человечество притихло в ваших недрах...

Похоть, зачав, родила грех. Он медленно, но верно проник в наше естество, Ева.

Ты же мать всех живущих.

Как же так случилось?

Но мы сами встали на путь познания добра и зла.

Много ли ты узнала, Ева?

Сколько трав ты перебрала, чтобы залечить ссадины своих мальчишек? Ведь древо жизни осталось там, в Эдеме, под надёжной охраной. Или твоя интуиция ещё не подводила тебя? Ты же знала голос Творца! А может ты уже смущалась от своих мыслей?

Как ты научилась рукоделию, Ева? Ведь оказывается, вы с Адамом были наги. А те шкуры, что предложил вам Бог, сносились за ваши, ещё долгие, года.

Ты успела разменять нежность на чувственность? Нравился ли Адаму твой кокетливый взгляд? Или он хотел тебя ту, прежнюю?

Была ли ты рада видеть супруга с зайцем, а не мамонтом? Или ты уже научилась недовольно ворчать?

Наверное, ты печалилась, когда слышала знакомые ноты лукавства в голосе Каина. Возможно даже удивлялась, как может так искусно хитрить ребёнок.

Ведь у тебя не было детства.

А тот день, когда на Земле родилось насилие, ты не забудешь никогда! И как выглядит смерть в стеклянных глазах убитого Авеля.

Ах, Ева! Так мы и живём: "Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел". Ну или: «Змей меня обольстил и я ела».

Или же: "Адам с Евой согрешили, а причём здесь я?"

Ты, Ева, знала, что потеряла.

А мы? Мы уже такие рождаемся. Нам нечего вспомнить. Мы, из поколения в поколение, пьём грех уже просто как воду, необходимую для жизни. Поэтому не чувствуем смертоносного яда.

Нам трудно понять и принять, что мы рождаемся грешниками. А за грех - смерть.

И я не задумывалась об этом. Пока не познакомилась с тобой. Мы с тобой такие похожие, Ева...

Часть вторая.

Ева, мы с тобой такие разные.

Ты в начале земного бытия, я – сквозь века.

Тебя, сотворенную непорочной, покрыла тьма неверия. Меня, рожденную во грехах, осиял свет веры. По крупницам собираю мудрость, которая всегда была с тобой. И только учусь слышать Его голос. Ты же когда - то знала этот голос совершенно.

Ты вкусила запретный плод, я - благодать.

Я нашла Того, которого и не искала. Ты же потеряла Его. Тебя Он прогнал от Своего лица, а передо мной распростер свои объятия.

Ты спряталась от Него, а я открыла Ему свое сердце.

Ты, сотворенная вечной, жила воспоминаниями о земном Эдеме. Для меня, рожденной в смертном теле, готова обитель в Небесном Иерусалиме.

За тебя некому было заступиться.

А за меня Он сам стал Жертвой.

Мы с тобой такие разные, Ева.

Биктимирова Лада

Грачи прилетели

-Прилетели! Прилетели! - с порога закричала дочка.

Синие глаза светятся радостью, нетерпеливо топая ногами, отряхивая снег с валенок, кричит:

-Ну что же ты, мама! Пойдем скорее, посмотришь! Ну, скорее же!

Торопливо отряхиваю с рук муку, наспех вытираю полотенцем, и, накинув на плечи шаль спешу за ней на улицу.

-Вон там! Смотри! - дочка дергает меня за руку, и тонким пальчиком показывает под березу.

Смотрю в сторону березы и вижу важно вышагивающего грача. Темное оперенье сверкает на мартовском солнце.

-Я же тебе говорила - прилетели! –шепотом говорит дочка, боясь спугнуть грача, не спеша подходит к нему поближе. Словно понимая, что за ним наблюдают, грач остановился, наклонил голову и спустя мгновение ловко взлетел на березу.

-Ну вот, улетел! – маленький носик засопел, а в глазах появились слезы.

- Давай его покормим, может спустится? – предлагаю я. Торопясь бежим в сарай, набираем пригорошню зерно и бегом обратно. Дочка высыпает из ладошек овес на рыхлый снег: - Тип-тип-тип!

Возвращаемся на крыльцо и смотрим на грача. Спустя некоторое время, он спускается. Недоверчиво поглядывает на нас круглым черным глазом, наклоняет голову и осторожно подходит к рассыпанному зерну.

- Кра! – поблагодарив, грач начинает клевать, все еще с опаской поглядывая на нас. И вот еще два грача подлетели, и, никого не замечая, быстро начинают клевать.

Дочка от радости хлопает в ладоши. Птицы от неожиданности подлетают, но сделав небольшой круг возвращаются.

Из дома выходит свекровь: - Вы что здесь? Килен, там у тебя тесто убежало!

Дочка прижимает пальчик ко рту: - Тише, нанэй! Испугаешь!

- Кого испугаю? – удивляется свекровь. Потом, поймав мой взгляд, переводит глаза на птиц. Брови у свекрови приподнимаются от удивления, и вот в серых глазах засветилась радость, и сразу потемнели, разбежались от глаз глубокие морщинки и по ним потекли слезы.

- Нанэй! Ты плачешь? – дочка подбегает к свекрови и обнимает.

- Не бойся, они не улетят! А если улетят, мы с мамой им снова зернышки насыпем! Да ведь, мамочка? Свекровь морщинистыми руками крепче обнимает внучку, а слезы все быстрее бегут по лицу, теряясь в морщинках.

- Ну чего ты, не плачь, а то я тоже буду плакать! - дочка смотрит в лицо старушки.

Та глубоко вдыхает весенний воздух, все смотрит на птиц, а потом обращается ко мне:

- Весна пришла, килен! Весна! Дождалась! Думала, что не увижу... - кончиком платка свекровь вытирает уголки глаз.

- Ну что ты, мама! Пойдемте в дом! Сама ведь говоришь - тесто убежало!

- Вы идите, замерзли уже! А я вслед за вами зайду – отвечает свекровь.

Заходим в дом, дочка все расспрашивает про грачей, отвечаю ей, а у самой предательски что-то щиплет в носу, слезы текут из глаз против моей воли...

Весна...грачи прилетели...

...Это была последняя весна в жизни моей свекрови...

2015г.

Кулемы.

Моя бабушка была знатной рассказчицей. Мы с сестренкой очень любили слушать истории из ее жизни.

Бывало, начнет рассказывать, до самого интересного момента дойдет, сделает многозначительную паузу, приподнимет бровь, и в этих секундах тишины, слышно, как громко начинают тикать напольные часы, прямо в такт биения моего сердца и спицы в бабушкиных руках в такт тиканью часов постукивают друг о друга, и вот, наконец... рассказ продолжается. Чаще всего бабушка рассказывала истории из своего детства. Из невеселых тяжелых двадцатых годов прошлого столетия она вынесла удивительно нежные и трогательные истории про себя и незадачливую соседку-подружку: Сарку Груздову. Часто ее рассказы заканчивались словом «кулемы».

Смысл этого слово был далек от нашего семилетнего понимания, и в нашем сознании оно отождествлялось чем-то глупым, смешным, вообще чем-то несуразным...

Как -то раз по весне придя к бабушке, мы застали ее за работой: она сажала лук-севок. Она куда-то спешила и попросила нас помочь ей с работой. Долго не думая мы согласились. Как нам тогда казалась, мы внимательно смотрели и запомнили, как надо делать борозды, как правильно сажать лук. И кто знает, может у этой истории был совсем другой конец, если бы не одно обстоятельство.

Только мы проводили бабушку за ворота как увидели его. Красивый, черного цвета велосипед с блестящим на солнце рулем стоял у соседних ворот. Хозяин новенького велосипеда, внук бабушкиной соседки, с важным видом то опускался на одно колено возле колеса велосипеда, то начинал накачивать шины, то, как бы проверяя, звонил звонком. Мы подошли поближе рассмотреть велосипед. Наше любопытство было замечено: по ухабистой дороге, сидя на рамке позади велосипедиста, с зажмуренными от страха и восторга глазами, с клацаньем зубов на очередной кочке, мы летели вдоль по улице! Сколько времени так прошло - трудно сказать, мы, вспомнив о своей еще не начатой работе, побежали на бабушкин огород. Стоя над грядкой, друг напротив друга, с вытянутыми от старания языками, мы с сестренкой старой сломанной штакетиной от забора делали борозды для лука. Оставалось совсем ничего: посадить лук. Все бы ничего, да только никто из нас не мог вспомнить, каким концом этот лук нужно сажать в землю, а какой должен остаться наверху.

Осмотревшись, мы увидели рыбака на речке, которая протекала прямо за бабушкиным огородом. Набрав в пригорошню лук, мы побежали к нему. Робко подойдя поближе поздоровались. Рыбаком оказался новый сосед нашей бабушки- дед Федор. Сестренка подошла поближе и заглянула в бидончик рыбака, в алюминиевом бидончике плавали караси. Я с луком в руках тоже подошла, несмело протянула лук рыбаку, и спросила, как нужно сажать. Наверное, я спросила очень громко, дед что-то крикнул в ответ, и повернулся в нашу сторону. Теперь уже сестренка, взяв лук начала крутить им прямо перед морщинистым носом старого соседа - рыбака.

Он молча слушал, внимательно посмотрел на сестренку и нехотя произнес «Ну». Это «ну», мы восприняли как «да». И ловко перепрыгивая через борозды пашни, спешили к грядке - доделывать свою работу.

Скоро пришла бабушка, мы уже наспех досаживали последние луковички. Бабушка шла к нам со своей соседкой бабой Лизой. Они о чем-то разговаривали, когда они подошли ближе, мы расслышали, что речь шла о нас, какие мы молодцы, что растут хорошие помощники. Подойдя совсем близко к нам, бабушка с бабой Лизой посмотрели на нашу работу, на нас, переглянулись и вдруг рассмеялись. Бабушка, смеясь, обняла нас, прижала к себе, потом поцеловала нас обеих в макушку, снова рассмеялась и добавила: «Вот кулемы!» Мы с сестренкой смотрели друг на друга не понимая, что происходит, и причем тут кулемы. Вдоль бабушкиного огорода возвращался старик -рыбак. Баба Лиза посмотрела на него, вздохнула о чем-то и спросила нас, кто научил так лук сажать, сестренка, не ожидая подвоха выпалила: «Мы у деда Федора спросили, он научил». Баба Лиза всплеснула руками: «Так он же глухой!» Охнув, бабушка снова рассмеялась: «вот кулемы!» Не веря своим ушам, мы с сестренкой смотрели друг на друга, наконец, не выдержав, я спросила бабушку: «А кто кулемы?». Ответ был краток: «Вы и есть кулемы!»

2020г.

Аслямова Лилия Магнавиевна

Горчило вино Победы

Утро Победы настало неожиданно. Ждали, ждали каждый день, уже в самом майском воздухе, казалось, все дышало этим радостным, необъятным - Победой. Был день как день: черемуха готовилась выбросить из набухших бутонов цветы, скворцы над госпитальным садиком носились туда-сюда в прохладном небе, только все кругом сияли улыбками, и голоса звенели громко, и взгляды были чуточку хмельные. Даже на желтом лице раненного в живот капитана, который лежал в углу и не знал, что не доживет до завтрашнего утра, было какое-то слабое движение губ.

Под вечер приехали шефы с соседнего завода с гостинцами. Врач Юлия Дмитриевна еще раз прошла по палатам и тоже скрылась за дверями ординаторской, где для медперсонала был спешно накрыт стол и уже раздавался хохот ее мужа, главного врача госпиталя.

Мишка – так называли девятнадцатилетнего татарина Магнави с первых дней призыва товарищи, не умея выговорить его трудное для русского уха и языка имя, – задержался у парадного входа, присев на лавочку рядом с мохнатыми, но еще не распустившимися до конца веточками низких кустов акации. На костылях подняться по лестнице было непросто, собственное шуплое тело казалось Мишке тяжелым и неповоротливым.

Он вспомнил, как яростно, до бешенства ругался на днях с главврачом, который собрался отправить его с сопровождающим на родину для долечивания. Там, в далекой Башкирии, раненого ожидали голод, абсолютное отсутствие какой-либо медицинской помощи, и вряд ли ему удалось бы выжить. По крайней мере, докторша

Юлия Дмитриевна, каждое утро заходя к ним в «тяжелую», которую в госпитале называли палатой смертников, говорила:

- Багманчик! Ты знаешь, Багманчик, что ты счастливчик? С твоим ранением остаться живым! Видно, мама за тебя молилась...

Самого молодого из всех, его она умудрялась приласкать еще и так, прозвищем по фамилии Багманов. Порой слегка ерошила ему отрастающие светлые волосы своей жесткой рукой хирурга, пахнущей чистотой. Но на перевязках жалости не знала, засовывала турунду с лекарством размером с детский кулачок в рану на боку, приговаривая:

- Терпи, иначе пропадешь! Тут осколок такого наворочал – нужно чистить все!

И парнишка, скрипя зубами, терпел, хотя не только бок, но все его тело, казалось, раскалялось от боли так, что перед глазами плыли желто-черные круги, а думать было невозможно...

Передохнув на верхней площадке, Мишка с трудом преодолел последнюю преграду, дверь, и дотащился до своей палаты. Тут его ждал удар.

В палате шло веселье: шефы привезли вино, и на каждой тумбочке стояло по два стакана или эмалированной кружке с желтовато-красной жидкостью с острым пьяным запахом. Напитки покрепче, видно, оставили в ординаторской, учитывая слабое здоровье ранбольных. Рядом лежала немудреная закуска – печенье, сухари. Только у Мишкиного изголовья ничего не было. Оживленные мужики оттягивали момент, когда можно будет поднять мутноватого стекла стакан с щербинками, стукнуть о выдавшую виды соседскую кружку и выпить за Победу. Сперва надо что-то сказать. Каждому.

- Мишка, ты где пропал? Давай скорей! – крикнул со своей койки сосед, рыжий Женька Петров.

Он попал в госпиталь из-за стертой в кровь ноги, по которой пошло заражение, не по ранению даже. Но в руках Женька держал стакан, где плескались положенные фронтные сколько-то грамм. А Мишка, получается, не фронтвик?! Что-то ударило парню в голову, он подхватился на костылях и как мог рванул в коридор.

Медсестра Шурочка шла по коридору, уже близко, неся на обычном своем железном подносе шприцы с набранным лекарством. Мишка в ярости вышиб из ее рук поднос, заорал на растерянную девушку:

- А я что, кровь не проливал?! Я не человек вам?! Не солдат?! Сто граммов пожалели!

Поднос упал со звяканьем, шприцы разлетелись. Мишка что-то кричал матом, брызгая слюной в побледневшее лицо Шурочки. Уже вышли в коридор ходячие из соседних палат, уже хватали обиженного пацана за полы застиранного госпитального халата те, кто мог, оттаскивая его от сестрички, а она молча смотрела большими карими глазами, только полные красивые губы как-то жалобно подрагивали. По-прежнему без слов она наклонилась и стала собирать рассыпанные шприцы с пола.

Шурочку все любили за спокойный нрав и мягкость, за умение одним лишь взглядом укротить самых отчаянных ухажеров. Говорили, что у нее погиб жених еще под Брестом, в самом начале. Не один бравый офицер провожал взглядом ее ладную фигурку в перетянтом бинтиком халате и вздыхал: нет, не ему достанется это чудо!

Мишку увели в палату. Прибежавшая нянечка налила ему вина, что-то приговаривая про наркоз, отшибающий головы ребятишкам, про Шурочку, которая «ведь чистый ангел», про войну проклятую, которая что делает с людьми! Вроде бы все успокоились. Но что-то было уже не так в палате, как-то нарушилась торжественность вечера, и Мишка ночью ворочался, недоумевая, как же такое случилось, что он оказался забыт и обойден среди всеобщей радости. Не только эти мысли мучили его, но в других он не хотел признаться даже себе.

Выписываясь, он зашел сказать спасибо Юлии Дмитриевне. Поблагодарил и ее толстого мужа, Давида Самойловича, хоть тот и хотел отправить его раньше положенного в глушь, на верную погибель. Шурочка в тот день была выходная – теперь изредка медсестер отпускали отдохнуть. Мишка, в тяжелой шинели, с вещмешком, на дне которого лежала его дорожная пайка, и на костылях, уехал на родину. Попутчиков не оказалось, и Давид Самойлович откомандировал для сопровождения незнакомую бойцу медсестру, которая ехала в неведомый край без охоты. Мишка хорошо понимал ее чувства, но отказаться не мог: слишком беспомощным оказался он на вокзальном перроне, а потом в Уфе, откуда на перекладных надо было добираться до деревни. Неразговорчивая плотная Клава доставила его домой как положено, проявив умение искать транспорт и договариваться, и тут же отправилась обратно. Матери нечем было даже отблагодарить ее за дорожные хлопоты.

Мишка восстанавливался долго. Война не отпускала. Женился, в семье одна за другой родились две девочки, и ему все снилось, что немцы забрали и уносят дочек. Он просыпался от собственного крика и снова переживал страшные минуты боя. Этот сон повторялся всю жизнь, до старости. А новосибирский госпиталь ему не снился, хотя провалялся он в нем целых три месяца. Последние дни перед выпиской Мишка и вовсе старался изгнать из памяти.

Только много лет спустя, когда уже подросли его дочери, он смог честно вспомнить в подробностях события того долгожданного дня Победы в новосибирском госпитале. Эх, если бы можно было узнать, где теперь Шурочка!

Девятого мая, выпив с фронтовиками, он обнимал своих девочек, пел с ними военные песни и просил старшую:

- Дочка, напиши за меня о Шурочке! Может, она жива, увидит. Не могу себе простить...

И вздыхал тяжело, и думал. В воспоминаниях глаза Шурочки были еще больше, еще грустнее.

Как называется эта бурная река?

Моей сестре Эльзе

Я открываю глаза. Солнце бьет в окна, в доме светло и жарко. Мама с папой давно ушли на работу. Рядом потягивается сестренка Эльза.

- Давай скорее, попьем чай и на улицу пойдем, - говорит она.

Хотя сестренка младше меня на целых два года, она командирша. Пока я тянусь за ней, она успеваешь столько наворотить! Но приличие соблюдается: называет она меня «апа», то есть старшая сестра, а собираясь что-то сделать, создает видимость «коллегиальности» решения. Все равно попадет обеим одинаково! Поэтому мы живем сравнительно мирно.

Я, тощая и белобрысая пигалица, слишком пуглива и медлительна, чтобы спорить или драться, а Эльза, возможно, просто снисходит к моей непригодности в этом мире. Вот она решительно бежит к умывальнику, плещет в лицо водой, которая уже успела нагреться за ночь, и садится к столу. Зубы чищу в основном я, тюбик с зубной пастой уменьшается в размерах и совсем не беспокоит родителей. Впрочем, бывают у сестренки периоды потрясающей чистоплотности, и тогда держись, Мойдодыр! Запасам мыла и зубной пасты наносится ощутимый урон.

Пока я размываюсь в крохотном уголке, отгороженном прямо у входной двери, Эльза уже села за стол и мажет маслом кусок хлеба. Хлеб мама предусмотрительно нарезала: с ножом обращаться в свои семь лет я не особо умею. Хочу согреть чай на электрической плитке, но Эльза успела налить две чашки – себе и мне. Она легко относится к температуре напитка - бывает, если есть что-то вкусненькое, просит вечером у мамы:

- Не грей, мама, мне и водяной чай сойдет!

Это значит, можно налить немного заварки и сверху залить холодной кипяченой водой из большого чайника. Главное - это пряники или конфеты, а "чай" идет в сопровождение. Ведь больше всего на свете Эльза любит конфеты!

Мы выпиваем еле тепленький чай и выходим на улицу. Там нас уже ждут соседи: Риф, на год младше меня, и его сестренка Рима, ровесница Эльзы. Их укладывает спать и поднимает любимая нэнекэй* – бабушка Хунна, работающая смуглая старушка, добрый дух их большого семейства. Родители наших приятелей весь день на работе, а бабушка выполняет практически всю домашнюю работу, освободив дочек-учительниц и зятя.

Поэтому наши приятели давно уже накормлены, и чай у них горячий, и блины с утра нажарены. Посмотрели бы вы на этих родственничков! Ни за что не поверишь, что они из одной утробы! Риф – худой и настолько белобрысый, что впору за альбиноса принять. Летом его светлые волосы становятся совершенно белесыми. Он вечно что-то придумывает, сочиняет и легко наврет с три короба с самым убедительным видом так, что поверит любой слушающий! Все его истории нацелены на то, чтобы поднять авторитет рассказчика.

Он часто летом бывает в родной деревне отца Бустанаева, где живет легендарная личность – его дядя Самат. То Риф с этим дядей чинил мотоцикл, то ездил на «Волге» куда-то неопишимо далеко. Мы только слушаем, разинув рты, и верим, и завидуем. Этого бравого дядю Самата, легкого, тонкого, в начищенных блестящих сапогах, имела счастье видеть только Эльза. Она-то постоянно пасется у Римы дома, а я, домоседка, сижу за книжкой. Самат поразил ее воображение, и Риф теперь имеет в лице Эльзы немного сторонника, когда завирается в своих рассказах о деревенских подвигах.

Рима - противоположность брату: смуглая до черноты, с огромными черными глазами и кудрявыми волосами, которые из-за их невесомой пушистости сразу становятся до ужаса лохматыми. Она тоже очень эмоциональная и непосредственная, но при этом трезвомыслие бабушки Хунны, кажется, передалось ей по наследству. Субординация соблюдается: Рима называет Рифа «абый» - старший брат. Так и положено в уважающей себя татарской семье! Но вот тощие брат и сестра одинаково, словно и не кормит их нэнекэй самым вкусным, самым сладким из всего съестного.

Не знаю, видна ли больничная гора из окна Римы и Рифа. Но мы с Эльзой каждый день по два, а летом и по три раза смотрим на нее, сидя за обеденным столом у окошка. Над невысокими крышами домов она словно сияет разноцветным песком! Высокая, крутая, а песчаный обрыв – желтый, розовый, почти малиновый, эти цвета плавно переходят друг в друга. И так красиво смотрится эта гора, так манит! Стоит она над мелкой речкой с названием Сару. Наверно, так назвали ее наши предки по желтому цвету ее воды в половодье.

- Пошли на речку! – говорит Риф.

Как настоящий мужчина, он часто проявляет инициативу. Все согласны. Мы живем за две улицы от речки, идти до нее довольно далеко, но завидовать ребятам, которые жили прямо рядом с Сару, нам не приходит в голову. Ведь добежать до нее можно за какие-то минуты, обжигая босые пятки в горячей пыли.

Пыль в проулке деда Ахматхана знатная! Глубоко загребая ступнями, можно уже в ней получить такую дозу летнего жара, чтобы хватило на всю зиму. Хоть купайся в этой замечательной щедрой пыли! И уютный он, этот проулочек: узкий и безлюдный, по краям зарос крапивой, которая одуряюще пахнет в зной. Несемся! Вот Большая улица – тогда она носила имя Горького, а наша – Ленина. Потом их быстренько переименовуют, без раздумий просто поменяв названия: Ленина станет Горького, и наоборот. Самая широкая и длинная улица должна носить имя вождя, сразу бы сообщить!

Наше любимое занятие в жаркую пору - бежать через речку, подниматься на больничную гору по тропке, а потом с самой высокой кручи скатиться по горячему, мягкому песку. Можно сесть на корточки и ехать на согнутых ногах, а проще просто сесть попой в горячий песок, и уклон сам тебя снесет вниз. Такого наслаждения я не помню больше ни при каких играх. Гора настолько крутая, что мы без задержек скатываемся до самого ее низа. В некоторых местах речка подходит к самому изножию горы, заезаешь - скатишься прямо в воду, но мы осмотрительно выбираем курс левее или правее. Опять бежим вверх, съезжаем по песку с визгом и криками, и так до полного изнеможения.

- Ааа! – это Риму почти снесло к воде. – Помогите! Утону же!

Никто и ухом не ведет. Во-первых, каждый из нас сам в таком же положении, во-вторых, Рима в последние секунды тормозит смуглой пяткой и останавливается прямо в двадцати сантиметрах от самой воды. Да и утонуть она никак не может: хотя речка здесь сужается и чуть глубже, чем в других местах, но самое большее – до колена самой маленькой ростом Эльзе. Час-полтора мы катаемся, не замечая времени.

Теперь домой! Перепрыгивая по плоским камням, брошенным в воду, переходим речку. Наверно, эти камни уносит весной, когда Сару становится полноводной, бурной. Не поверите, однажды она так сильно бушевала, что течением унесло УАЗик «Скорой помощи», на котором наш сосед дядя Рафаэль обычно возил фельдшера к больному. А летом речонка становится маленьким ручейком, воробью по колено. Можно встать на самом большом камне и смотреть, как вода, журча, обтекает его некогда острые края. Если пройти дальше, под старые ивы, в их тени можно высмотреть мальков: они прячутся в прохладной воде.

- А почему же нет крупной рыбы, чтобы наловить и пожарить? – недоуменно мы.

Дождавшись на обед папу, выпрашиваем об этом у него. Папа объясняет, что мальки выросли из икринок, а икринки отложила крупная рыба, которая заходит в Сару во время половодья из большой реки, Быстрого Таныпа. Нет, непонятно. Почему тогда рыба оставила своих детей тут? Разве не жалко их? Но папа уже ушел, а вопрос остался, потом позабылся. И хотя Риф, отчаянно расставляя руки, рассказывает, как он с любимым дядей Саматом поймал воооот такую щуку на реке Гарейке, тема крупной рыбы нам уже не интересна.

Каждый день приносит что-то новое.

Наша мама работает в больнице. Кто придумал построить ее так далеко от жилых домов села, на другом берегу речки, да еще на высокой горе – нам неизвестно. Но так было всегда, и почтение к врачам и прочим работникам этого учреждения, кажется, только больше из-за его расположения над селом. Больной люд добирался до места лечения кто пешком, кто на лошади. Поскольку село тянется вдоль речки, мостов несколько. А как раз на нашем краю никакого тебе моста! Только по камням перебираются врачи и сестрички на работу и обратно.

В один такой же жаркий день мама прибежала на обед, быстро почистила картошку, пока закипает вода, сварила ее и усадила нас за стол. Мама торопится: за час надо что-то наскоро приготовить, самой успеть перекусить, да и дорога домой и обратно занимает время. На работу-то в гору!

Картошка не проварилась в середине. Я упрекаю маму, показываю свой огрызок. Мама утешает и оправдывается:

- Ладно, кызым*, ешь по краям, середку я сама съем!

Обжигаясь, она торопливо жует картошку, макая ее в растопленное масло, и говорит:

- А через Сару построили дощатые мостки! Теперь хорошо, быстренько можно перебежать через речку!
Мы с сестренкой переглядываемся:

- О, вот это да!

Съедаем и твердую картофельную середку, спешим: надо срочно посмотреть, что там за мосточки построили!
Мама убегает, до пяти часов мы одни, вольны, как ветер! Идем к соседям, которые еще сидят за столом, степенно поедая суп с домашним хлебом. Увидев нас, они начинают чаще махать ложками, а новость совершенно выбивает их из колеи. Спешно завершив трапезу, Риф и Рима выходят с нами на улицу. Бежим – не угнаться! Вот уже пересекаем центральную улицу, спускаемся вниз...

Вот они, желтые чудесные мостки, так здорово пахнувшие свежим тесом! Они почти рядом с "переправой" из камней, но как высоко! Две широкие доски положены друг к другу плотно, лишь тонкая щель между ними. Дальше – еще такой же ширины досочки впритык к этим, и так до конца. Речка уже давно кончилась, а мостки еще идут над прибрежной галькой, под ними остается даже часть тропки!

Мы пробегаем по замечательным мосткам туда и сюда, не веря счастью. Риф, как положено мальчишке, останавливается в середине и начинает с силой раскачивать доски ногами. Только чуть-чуть прогибается настил, но ничего!

- Если каждый день раскачивать, будут как качели! – деловито говорит Риф. Доски не обструганы, но топором тут поработали. Вокруг полно щепок. Их тут же прибрали к рукам мелкие пацаны и теперь пускают по воде ярко-желтые завитки – это их лодки. Мальчишки бегут прямо в речке, следя глазами за путешествием стружек и спасая их из водоворотов и наездов на «мель». Кричат ребята так пронзительно, что взрослые уши бы не выдержали.

Тут не замечаешь жару. Старые ивы дают прохладную тень, а можно еще побрызгаться водой. На речке хорошо! Я смотрю на несколько желтых листочков, упавших с ближней ивы: они медленно кружатся на одном месте, потом потихоньку начинают увлекаться струей и медленно отплывают от нас, навевая непонятную грусть. Это и не грусть даже, а что-то неясное, не подвластное маленькому сердцу. Не понятное детским умом предупреждение: смотри, я красивая и могучая. Но уже есть в моей кроне желтые листья, уже дохнул пару раз холодный ветер, предвестник осени! Так молодая женщина впервые видит седую прядь в своих волосах...

Разуму девочки это не подвластно, но душа чувствует старую иву!

Через пару дней собираемся опять туда. Тщедушный очкарик Рамиль, сын того самого дяди Рафаэля, которого на узике снесло по речке, присоединился к нам и вместе с Рифом планирует ловить мальков. Ребята закатали штанины и, найдя место поглубже, тащат по дну куски марли размерами с хороший головной платок. Потом сравнивают добычу. У Рамиля только головастики. А Риф на коне: тут и тройка мальков, и один пескаррик с палец! Их тут же выпускают обратно, и работа начинается заново.

- Да мне бабушка не дала новую марлю! – оправдывается Рамиль.

Как мальки выскользнули из поредевшей ткани, а мелкие головастики остались – непонятно, но ему оправдание кажется весьма резонным. Впрочем, все увлечены, и на него никто не обращает внимания. Девчонкам скучно стоять и смотреть на рыболовов. Мы идем на гору, там много цветов. Тут гвоздички, ярко-малиновые лепестки которой смещаются, если снизу надавить на основание цветка. Отошли два лепестка – значит, два часа, на четыре – четыре часа. Поэтому называем гвоздику «часики». Есть тысячелистник, белорозовые мелкие цветки которого так удивительно пахнут, что я вслух мечтаю:

- Вот приду домой и сделаю из них духи!

Дома я действительно наполняю цветками маленький пузырек и ставлю в укромный уголок, залив водой. По моим соображениям, к утру настой будет напоминать духи. Утром я благополучно забываю про свой опыт, а когда вспоминаю, «аромат» из пузырька уже совершенно невыносим. Неудача меня несколько не огорчает: наверно, надо было вовремя вынуть цветки, только и всего! В следующий раз так и сделаю!

Но в следующий раз нам не до цветов. Мы собрались кататься с горы, а вместо этого попали в кузницу! Кузнецом работает дедушка Хабрай. Полное его имя, видимо, Хабибрахман, но у татар издавна для удобства сокращали старинные имена. Его домик с синими наличниками окошек стоит в начале следующего проулка. Проулок Хабрая – совсем другой! Он широкий и проезжий: тут ездят конные повозки и редкие машины. Ни о какой пыли нет и речи, все утоптанно и отбито ногами прохожих и лошадиными копытами. Зато возле самого дома старика Хабрая и еще в середине проулка растет по большой старой иве. Когда мы спускаемся на центральную улицу, идя в гости к тетке, отцовой сестре, папа тянет руку и срывает мне веточку с чудесно пахнущими сережками, желтыми и пушистыми. Видно, давно Хабрай посадил эти ивы, что они выросли такими могучими. Летом они «плачут» соком и источают тонкий запах, осенью роняют изящные тонкие листья на тропинку.

Наверно, любил деревья молодой кузнец! Он и сейчас еще статный, красивый, черные усы почти без седины украшают улыбчивое лицо. Если мы проявляем непокорность и отказываемся выполнять какой-то ее приказ, наша дэу эни* пугает нас:

– Вот за Хабрая замуж пойду – будете тогда знать!

Говорит она грозно, а сама прячет улыбку: куда бы Хабрай дел свою Шамсикамал, интересно? Надо сказать, что «хозяйева» обоих проулков – высокие, крупные мужики, а жены их – маленькие тихие старушки, глуховатая Минкамал у Ахматхан бабая и совсем уж крохотная, ровно в половину мужниного роста, Шамсикамал у Хабрая. Уютная, мирная жена Хабрая выйдет за ворота на минутку и опять уйдет хлопотать, и никто не слышал от нее громкого слова. Вместе супруги нигде не показываются, живут тихонько и неслышно. Видимо, ладят.

А когда идешь мимо дома Ахматхана, он всегда громко и сварливо что-то кричит во дворе своей старухе, та

ворчливо оправдывается. Шумят – значит, живы и здоровы старички! Зато Ахматхан бабай*, задрал голову в черной тюбетейке, постоянно сам ходит с двумя большими ведрами за водой на колонку, за что давно получил от нашей языкастой бабушки прозвище "поши". Я слушала радиоспектакль из Уфы про лосенка по имени Елгыр и знаю, что это слово обозначает лося, поэтому удивляюсь:

- Дэу эни, а что это значит - поши?

- Это когда мужик бабью работу выполняет! - отрезает бабушка и не дает больше никаких пояснений.

Она сама осталась вдовой в войну и, может быть, в душе немного завидует неженке Минкамал: той и за ворота не надо выходить, даже покупки делает муж! Но Ахматхан нашей дэу эни все равно не по нраву. Бабушка привыкла жить хозяйкой в своем опрятном домике. Что не по ней – сразу предъявит претензии и дочкам, и зятям! В жизни бы она не подчинилась чужому старику. Однако шутит с нами не про Ахматхана же, а именно про красавца Хабрая! А мы, мало что понимая во взрослых делах, по-настоящему пугаемся бабушкиного "замужества" и тут же кидаемся выполнять ее задания.

Сегодня дэу эни не до нас, она ушла в гости к подруге. Мы, еле расчесав спутавшиеся за ночь волосы, отправляемся все в той же сплоченной компании к речке. Идем по проулку Хабрая, по которому он сам каждый день рано утром спускается вниз к старой кузнице. Надо пройти мимо ивы на углу, потом мимо другой ивы, перейти главную улицу, по которой, гремя и нещадно пыля, проезжают грузовые машины. Нижняя часть проулка – это уже и не проулочек, а целая улица - Матросова. Слева и справа остроены дома, а в тушике справа расположился конный двор. Удобно – чтобы подковать коней, надо только немного спуститься к реке – и вот она, кузница.

Почерневший от старости сруб из старых бревен стоит на большой ровной площадке, по краям - высоченные заросли крапивы, конопля и пустырника. Уже издали слышны удары молота и пристукивание маленького молотка:

- Туки – тук! Туки-тук!

Ритм не нарушается до тех пор, пока кузнец и его помощник не увидят, что металл остыл или что нужная форма уже готова. Мы, разинув рты, стоим в раскрытых воротах кузницы и пожираем глазами происходящее.

Вот подмастерье хватает огромными щипцами раскаленный кусок железа и сует его большой чан с водой. Раздается шипение, вода начинает бурлить, от чана поднимается пар. На наших глазах красное от жара железо становится серебристо-серым! Ух ты, это же подкова! Дед Хабрай тем временем вытирает пот и улыбается нам сквозь усы. Шутка его нами давно выучена, но каждый раз заставляет смущенно поежиться:

- Кызым, ты чей же сынок будешь?

Сестренка молчит. А я, бука, потупив глаза, монотонно бубню:

- Я не сынок, я же девочка...

Сестренка тут же оживляется и звонко говорит, глядя прямо в улыбающееся лицо кузнеца:

- Ты что, не видишь? Мы же девочки!

Хабрай бабай деланно изумляется. Подмастерье уже заново раздул большой горн и нагрел на пламени следующую заготовку. Мы зачарованы видом огненно-алого, совершенно сказочного куска железа – такой цвет можно увидеть только в небе, во время особенно красочного заката! Он неопишимо прекрасен! А какой в кузнице запах! Его ни с чем не спутаешь: пахнет углем и дымком, но не дровяным, а тем особенным угаром, который может появиться только от горячего железа при его соприкосновении с водой. Кузнецы работают, не обращая на нас внимания. Они никогда не прогоняют нас, и мы долго наблюдаем, как подковывают приведенного с конного двора гнедого. Его темно-коричневая шкура лоснится, словно вымытая. Пофыркивая, он поводит красивой головой, шея напрягается, и на ней выступают жилы. Старый конюх в картузе под уздцы заводит его в специальное стойло рядом с кузницей: это сооружение из четырех тонких столбов, которые поперек с трех сторон перетянуты жердями. Вводят в него коня с открытой, четвертой стороны, но потом закрывают ее поперечной жердью или доской. Теперь конь в клетке.

- А ему не больно? – спрашивает Рима, глядя на кузнеца, который клещами снимает старую подкову с заднего копыта.

Тут самый авторитетный человек, конечно, ее брат! Риф пренебрежительно смотрит а сестренку и заявляет:

- Нет, конечно! Наоборот, копыта стираются на камнях! Представляешь, сколько эта лошадь в колхозе перевозит зерна или муки!

Мы молчим. Тем временем кузнец трудится над копытами, обрезая с них старые ороговевшие куски. Гнедой стоит спокойно: видимо, для него это привычная процедура. Когда кузнец начинает прибавать первую подкову, мы невольно вздрагиваем и снова смотрим на Рифа. Он словно не обращает на нас внимания, разглядывает коня.

- Смотрите, какая грива густая! – говорит он. – Из таких волосков кисточки делать хорошо!

Мы отвлекаемся, да и конь стоит смирно. Это нас успокаивает. Дождавшись окончания процедуры, плетемся домой. Но тут слышим бодрый голос Хабрая бабая:

- Эй, сынок, оглянись-ка!

Эх, зачем только мы повернулись в его сторону! Подвох был в следующих словах, а мы простофили!

- У тебя задняя нога потерялась, подбери!

Поздно. Теперь кузнец с подмастерьем долго будут над нами хохотать! Но мы не в обиде. Никто из взрослых не терпит так долго наше присутствие на рабочем месте, никто так беззлобно не шутит с нами, как старый кузнец. Мы с радостью тащим домой драгоценности – старые прямоугольные гвоздики для подков, крохотный блестящий кусочек каменного угля. Через день-два забудем, куда их положили, но сейчас эти трофеи для нас бесценны.

Лето проходит незаметно. Первого сентября кто-то из нас идет в школу, остальные – в детсад. Мы растем, не замечая этого. Для беспечных прогулок времени остается все меньше, но тем они дороже для нас.

Зимой на речке делать нечего. Да и снежных гор наматает много прямо на нашей улице. Мы строим снежные домики, барахтаемся в снегу. Только к весне просыпается интерес к Сару: начинаем ждать, когда пойдет лед.

Осень была дождливая, зима снежная – воды в речке должно быть много!

Как-то весенним вечером я, по обыкновению, сижу дома. Слушаю по радио передачу «Театр у микрофона» и делаю уроки. Эльза ушла к соседям. Мне и в голову не приходит, что они без меня отправились на речку. Я спокойно дописываю страничку.

А в это время наши ребята уже стоят на берегу: лед пошел! Очень медленно он стал трескаться по краям, а в середине большие льдины уже начали свое движение по течению. Они, как огромные неуклюжие животные, наплзают друг на друга, поворачиваются от ударов соседок. Их медленное передвижение завораживает, кажется таким мирным и спокойным.

Пацаны – рискованный народ. Прежде чем подумать хорошенько, действуют. Вот Риф, самый-самый смелый и быстрый из всех, мигом прыгнул на ледок – ни дать ни взять, бравый дядя Самат! За ним, конечно, последовал Рамиль. Он еще легче – как пушинка прыгает на другую льдину. С берега молча наблюдает Рима, копия благодарной бабушки. А вот Эльзе никак невозможно отстать от мальчишек! Она секунду медлит и аккуратно ступает на лед, пока у самого берега. Правду говоря, она не такая уж и легкая! Круглолицая и плотная, и ноги не такие длинные, как у спортивного Рифа. Однако охота пуще неволи, и девочка перепрыгивает на соседнюю льдину. А теперь на ту большую, где уже стоят мальчики!

Звук треснувшей льдины передать невозможно, однако его не спутаешь ни с каким другим. Не успев даже толком понять, что случилось, оба пацана мигом выпрыгивают на берег, а Эльза остается где была. От прыжка мальчиков льдина наклоняется, край уходит в воду, Эльза одной ногой оказывается в ледяной воде. Это всего лишь миг, и никто не успевает ничего сообразить.

- Риф абыкаем*, спаси! – кричит в ужасе Эльза, протянув вперед обе руки. Риф мгновенно хватается за них и выдергивает Эльзу на берег. Молча, глядя под ноги, все четверо устремляются вверх по проулку. До самых ворот никто не издает звука, по домам расходятся не прощаясь.

Тихонько войдя в дом, Эльза стягивает промокшие чулки и колом стоящие бумазейные штаны, комкает их и бросает в уголок, где лежат вещи для стирки. Мокрый насквозь валенок ставит рядом с сухим на печку. «А ведь мог не вытащить!» - с ужасом думает она про Рифа. Наконец до нее доходит вся степень опасности, которой сама себя подвергла. Она еще не знает, что много-много лет друг Рамиль будет издеваться над ее «Риф абыкаем». А наши родители так никогда и не узнают об этом случае.

...Воды в Сару с каждым годом становилось меньше, она мелела. А берег, напротив, становился все обрывистее и круче, разьедаемый ветрами и временем. С годами пришло понимание, что его нужно укреплять.

Песчаную крутизну засадили сосенками. Вырос прекрасный бор, и медсестры, возвращаясь с работы, за считанные минуты набирали там маслят на ужин. Воздух настоялся на сосновой живице, обрыв, с которого мы когда-то скатывались, зарос и исчез. Окончив школу, разъехались по институтам-университетам ребята. На каникулах к одному из них в гости приехал сокурсник Магад, лакец по национальности, родом из высокогорного аула в Дагестане. Достопримечательностей у нас нет, и мы повели его на новый мост через Сару.

- Как называется эта бурная река? – спросил с улыбкой Магад.

Дитя гор, он привык к студеным шумным рекам с мощным течением, и мелкий ручеек где-то внизу, под мостом, воспринял с иронией.

А для нас-то Сару – любимая речка детства! Начавшись с чистых подземных родников, она несет свои небогатые воды целых четырнадцать километров, чтобы влиться в Танып. Танып впадает в Агидель – Белую реку, о которой поет Шевчук. Берега Сару дали нам красивые цветы, гладкие камешки, прозрачные родники, познакомили с трудом кузнеца и плотника, научили выручать друзей. Наши земляки, выросших на родниковой воде Сару, можно встретить теперь даже далеко за границей.

И когда идет дождик, я порой думаю: «А ведь в этом дожде есть капелька из нашей Сару». У каждого в памяти такая речка, которая символизирует саму Жизнь.

* нэнекэй (от русского «няня») – бабулечка

* кызым – доченька (тат.)

* дзу эни – букв. «старшая мать», бабушка (тат.)

* бабай – дедушка (тат.)

*абыкаем – ласковое обращение к старшему по возрасту мужчине, дяде или брату, букв. «мой милый старший брат» (тат.)

Самигуллина Асия

Доброе имя отца.

Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы.
Н.М. Карамзин.

Я часто вижу во сне своего отца. Он такой же, каким был раньше в жизни: немногословный, стройный и подтянутый. Что – то по отечески мне говорит, я его слушаю... Вдруг эта картина исчезает, я просыпаюсь и

понимаю, что это был сон. Я благодарна этим сновидениям, ведь всё-таки – это встреча с родным и близким мне человеком, хоть и не наяву.

Родилась я и выросла на оренбургской земле: необъятные степи, горы и желтые поля с колосющейся пшеницей. Небольшая речка Губерля радовала нас, детвору. Мы купались, загорали и ловили рыбу. Летом отдыхали у бабушек и дедушек, это были незабываемые годы. С возрастом все ярче и острее чувствуешь всю полноту безоблачного детства. Хочется вернуться хоть на время, хоть на часок в те годы и дни, когда мы были счастливыми, здоровыми и молодыми. Хочется пройтись по ромашковому полю, которое начиналось уже за огородами. Или побродить по полям и нарвать целый букет полевых цветов: колокольчиков и незабудок.

Они не заменят нам никаких современных пышных цветов с какими-то замысловатыми названиями. Вернуться в то время, когда были молодыми и мама с папой... Познакомились они в маленьком деревенском клубе. В то время молодежь из всех соседних деревень собиралась в одном месте. Тем летом выбрали д. Нарбулатово. Мама рассказывала, что придя с подругами в клуб, они заметили молодого человека, который сидел за столом и читал книгу, не обращая внимание на танцующих. Подруги пошутили, сказав, что он наверное женатый и почему он здесь сидит, а не идет домой. Каково же было их удивление, когда мама с подругой Рамзией вышли из клуба и отправились домой в соседнюю деревню, их вызвались провожать двое парней. Одним из них был мой отец...

Поженились они в 1959 году, а в 1960 году родилась я, потом сестра и двое братьев. Старший сын Рауль родился после 8 лет со дня рождения второй дочери. Родила мама его дома: не успели отвезти в райцентр. Роды принимала одна пожилая женщина из деревни. Нас с сестрой отец отвел к маминной сестре, живущей в той же деревне. Ночью мы проснулись от шума: кто-то плясал. Это был папа, который был все время сдержанным и спокойным. Но тут он не сдержался от счастья, выплеснул все эмоции: долгожданный сын и роды прошли успешно. Через 4 года у них родился еще один сын Хасан. И стал мой папа главой многодетной семьи. Он был не только главой семьи, но и руководителем – директором школы. В 1967 году я пошла в первый класс Ишкининской восьмилетней школы, а он начал работать в этой школе директором школы, построенной под его руководством.

Мы росли и учились, не зная забот, а он работал и учил детей русскому языку и литературе, истории. Он закончил два высших учебных заведения: Орский педагогический институт и Оренбургский институт марксизма – ленинизма. Работал он также секретарем парткома, директором училища, инспектором ДОСААФ.

У нас у всех детей высшее педагогическое образование, у младшего сына даже два высших.

Папа проходил военную службу на Тихоокеанском флоте. Отслужив, он ехал домой к себе на родину. Проездом остановился в г. Уфа-столице Башкирии. Город так овладел его сердцем, что он решил для себя: его самый первый ребенок обязательно будет учиться в Уфе. Его мечта осуществилась через много лет, когда я, его старшая дочь, стала студенткой немецкого отделения иностранного факультета БГПУ. Помню день, когда я сдавала первый вступительный экзамен по немецкому языку. Это был жаркий июльский день 1977 года. Отец прождал меня полдня на улице и, наверное, очень волновался за меня. Был очень рад, когда я вышла из здания пединститута и сообщила, что прошла первое испытание. Потом я сдала русский язык, литературу и историю и влилась в ряды студентов вуза. После сдачи последнего экзамена, отец приехал ко мне в Уфу, купил мне свитер и польские брюки-клёш. Потом он повёл меня в кафе. Это было 43 года назад, но его внимание к нам, к детям, его отеческая любовь не забывается с годами, а чувство благодарности к отцу вспыхивает всё снова и снова, вперемешку с щемящей болью в сердце и пронзительным чувством потери родного человека.

Человеческая память не иссякает со временем, а становится только острее и глубже. Родители достойны быть навсегда в сердцах своих детей: они подарили им жизнь, дали образование и воспитание, дали путевку во взрослую жизнь.

Сестра моя Галия сначала закончила Благовещенское педучилище, а потом начфак Стерлитамакского педагогического университета.

Когда мы, близкие родственники, собираемся вместе, любим рассказывать разные истории о детстве, о студенческих годах. Вот один из эпизодов, связанных с тем, что папа старался, чтобы мы получили достойное образование и были мастерами своего дела.

В педучилище будущих учителей начальных классов обучали и обучают игре на музыкальных инструментах.

В группе, где начала учиться сестра, многие записались на баян, т.к. дома у них был этот инструмент. Остальных, том числе и мою сестру, записали на аккордеон. Галия написала папе, что не будет учиться здесь, т.к. нет инструмента. Через два дня рано утром, когда сестра и ее подруги по комнате спали, кто-то постучал в дверь. Открыли: на пороге стоял мой отец с аккордеоном в руке...

Мы сейчас с сестрой - ветераны педагогического труда. Стаж работы у нас по 38 лет. Младший брат служил в полиции: майор в отставке. До работы в полиции и сейчас работает учителем в г. Мелеуз, его жена Эльмира тоже учитель русского языка и литературы. Моя вторая дочь, племянница и ещё одна невестка работают в системе образования. Многие представители нашей династии уже на заслуженном отдыхе. Кто знает, но я всё же надеюсь, что внуки и правнуки будут звеньями в одной цепи поколений, связанных не только кровным родством, но и одной благородной профессией.

Есть у М.М. Пришвина слова, которые созвучны с понятием «династия»: «Человек в обществе должен расти согласно своей природе, быть самим собой и единственным, как на дереве каждый лист отличается от другого.

Но в каждом листике есть нечто общее с другими, и эта общность перебегает по сучкам, сосудам и образует мощь ствола и единство всего дерева».

Если бы отец был жив, он бы порадовался за нас. Похлопал бы тихонько каждого из нас по спине и похвалил

бы всех детей за хорошие дела. Расспросил бы подробно о внуках, огорчился бы за какие-то поступки. Когда живы родители, мы в каждодневной суете, не думаем о том, что причиняем им беспокойства своими долгими молчаниями: не пишем, не звоним. А потом, когда их теряем, мы понимаем, какую утрату мы понесли. Как больно это осознавать! Глядя на выцветшие фотографии и семейные реликвии, вспоминаешь самых родных и близких и отдаешь дань памяти. Уважение к родителям и их почитание мы должны прививать с рождения.

Д. Дидро писал : « Родители любят своих детей тревожной и снисходительной любовью, которая портит их. Есть другая любовь , внимательная и спокойная , которая делает их честными, и такова настоящая любовь отца. »

Отец старался всю жизнь, чтобы мы выросли образованными и воспитанными. Перу Н.И. Новикова принадлежат такие слова: «Ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между всеми другими примерами ничей другой из них не впечатляется глубже и тверже примера родителей». Отец для нас был примером. Он в жизни ни разу не сказал нам обидного и резкого слова, мы уважали его и старались его не огорчать. У него была феноменальная память на лица и события, которая так необходима для историка и филолога. Мы любовались его каллиграфическим почерком. Но главным в его жизни, большим увлечением были книги. Читать он начал рано и так был увлечен чтением , что даже в детстве читал кубаиры при свете свечей и луны. Когда в маленькой сельской библиотеке не осталось непрочитанных книг, попросил маму (мою бабушку) заказать книги почтой. Бабушка на пособия, которые приходили семье: дедушка погиб на фронте, заказала книги. Эти книги брали читать даже учителя местной школы и соседних деревень. Папа в то время учился только в начальных классах. Известный писатель М.А. Шолохов писал: «... любите книгу всей душой! Она не только ваш лучший друг, но и до конца верный спутник». Папа с детства прививал нам эту мысль и считал, что книга -основной источник знаний. Благодаря отцу, я рано познакомилась с моими друзьями – книгами и их героями. Сделав домашние задания, я до полуночи не могла оторваться от книг. И эта любовь к художественной литературе сопровождает меня всю жизнь и помогает мне в работе, а также отдыхать дома . Люблю посещать библиотеки. При виде огромного количества книг всегда испытываю какое-то необъяснимое волнение.

Папа очень серьезно относился к браку. Считал, что если человек принял серьезно решение связать себя семейными узами с другим человеком, то это навсегда. Не любил разводов. С мамой прожили 48 лет. Не хватило двух лет до юбилейной годовщины их свадьбы.

Он был очень грамотным человеком. Писал без ошибок на русском и башкирском языках . Сотрудничал с газетами « Советская Башкирия » и « Красная звезда». Его статьи часто публиковались в этих изданиях. Он был не только хорошим мужем и отцом, но и заботливым сыном. Бабушка, оставшись вдовой в 1944 году в 27 лет, всю свою долгую жизнь посвятила трем детям и внукам. Ни трудные военные и послевоенные годы, ни голод и разруха, не сломали её. Она умерла в возрасте 102 года. Отец всю жизнь искал, но не смог найти могилу своего отца. В те страшные годы много воинов Великой Отечественной войны остались лежать в могилах неизвестного солдата.

Отец жил уже с семьей в Башкирии, а бабушка в Оренбургской области. Но, как любящий сын, он старался почаще навещать свою маму, баловать ее гостинцами и подарками. Она была рада этим встречам. Когда бабушка сломала ногу в 98 лет, папа срочно позвал всех близких родственников в п.Нововоронежский .Думал, что бабушка не сможет перенести боли в таком возрасте и покинет этот мир. Но получилось так, что мы потеряли отца навсегда на следующий год. Бабушка прожила еще почти 6 лет.

Никогда не забуду этот день - похороны отца. Мы приехали в Оренбургскую область и вошли в комнату к бабушке. Она глядела на всех входящих и искала глазами своего сына, моего отца (других детей к тому времени уже не было в живых). И вдруг она чувством, присущим только матери, поняла, что нет в живых ее любимого сына. Сколько страданий и невыносимой боли было на её лице. Глаза её налились слезами, но она не стала громко плакать и причитать. Она приняла это горе так, как подобает мужественной женщине, сколько раз уже терявшей дорогих её сердцу людей.

Вечером она читала молитвы, сидя у тела своего младшего сына. На следующий день вся деревня пришла проститься с отцом (он перед смертью попросил нас похоронить его на родине, в д. Нарбулатово) и, конечно же, все родные и близкие. Когда подняли гроб с телом отца и понесли к выходу, бабушка вдруг резко и очень громко вскрикнула. Она напомнила мне в этот момент раненую птицу, у которой ещё и отняли последнего птенца...

Умер папа от рака в возрасте 72 лет... Он не умер! Он в наших сердцах, в душе благодарных учеников и коллег. Он оставил нам не только свои добрые советы и наказы, а соединил нас одной неразрывной связью поколений. Он является главой педагогической династии Нарбулатовых. Наш педагогический стаж династии - 273 года. Мы продолжаем дело отца: дети и внуки .

Папа оставил яркий и добрый след на земле. Сейчас у него 9 внуков и 9 правнуков! Большая семья рода Нарбулатовых живет и здравствует! Папа! Мы благодарны тебе за все, что ты сделал для нас! Мы в неоплатном долгу перед тобой!